

Музыки полковые. Музыка во флоте XVIII-XIX вв.

В XVIII веке численный состав оркестров на флоте не был стабильным. Однако появилась общая тенденция к увеличению штатов и росту числа оркестров.

В 1711 году в Санкт-Петербурге был организован первый оркестр Балтийского флота. Он числился при Главном адмиралтействе и состоял из 11 человек — капельмейстера и 10 музыкантов. Первое официальное представление оркестра состоялось 26 июня 1712 года на торжествах, посвященных спуску первого линейного корабля Балтийского флота «Полтава». В 1766 году «для музыки во флоте» был учрежден оркестр Балтийского флота в составе 218 человек: 26 музыкантов, 184 трубы, 4 литавры и 4 капельмейстера. Этот оркестр был разделен на 4 части по количеству флотских дивизий кораблей. Оркестр каждой дивизии численностью около 50 человек, выполнял строевую службу, принимал участие в парадах караулов, строевых мероприятиях, разработанных для полка русской армии. Оркестры дивизий распределялись на все корабли: по 3 музыканта на линейный корабль и по 2 — на фрегат.

Однако как музыкальные коллективы они перестали существовать, поскольку такое распределение негативно сказывалось на их профессиональной подготовке. Поэтому было предложено изменить ранее существовавшую систему, а иметь небольшие оркестры на флагманских кораблях, флагманские же корабли командующих эскадрой обеспечивать более крупными оркестрами. В Положении о музыкантах при Балтийском флоте были предусмотрены штат оркестра, жалованья, обмундирование в виде парадного и повседневного мундиров, продовольствие и деньги на ремонт музыкальных инструментов.

С основанием в 1783 году Черноморского флота был создан оркестр и на Черном море.

После образования в 1810 году Гвардейского экипажа его оркестр был определен как главный в морском флоте России, создающей музыку флотских маршей. К 1832 году в состав этого оркестра — законодателя флотской музыки входили капельмейстер, тубурмажор, 60 музыкантов, 17 барабанщиков, 8 флейтчиков. Расширение штатов военных оркестров и рост их числа увеличивали потребность в квалифицированных музыкантах.

18 апреля 1860 года Александр II утвердил новые штаты военно-морских оркестров для портов (военно-морских баз): для портов 1-го разряда (Кронштадт, Архангельск, Николаевск-на-Амуре) — 50 музыкантов, для портов 2-го разряда (Севастополь, Ревель, Севастополь) — 25 музыкантов. В том же году были утверждены штаты военно-морских оркестров флагманских кораблей.

1893 г. Духовой оркестр на императорской яхте «Поларная звезда»

Барабанщик Гвардейского экипажа. 1817 — 1819 гг.

Флейтщик Гвардейского экипажа. 1820 — 1823 гг.

Иллюстрации из книги: Вилинбахов Г. В., Тутнов В. И. Казанская Л. В., Латтев Р. Г., Лабукин П. А. Военная музыка в Санкт-Петербурге. СПб.: «Арт Деко», 2003. 256 с., ил. и коллекция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург).

Публикацию подготовила
Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделении связи Почты России.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать» — 70137

Индекс журнала для российских подписчиков по каталогу российской почты «Почта России» — 12754

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала»
Тел. редакции для справок:
(495) 693-57-45;
8-905-751-06-97
E-mail: Mi_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал Интернет» (приложение) за 2004–2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ: www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

МАРТ
№ 3
2009

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Особенности военной акции НАТО против Югославии в 1999 году

Развитие отечественной артиллерии во второй половине XX века

Укомплектованность командно-начальствующим составом 40-й стрелковой дивизии накануне вооруженного конфликта у озера Хасан

Некоторые подробности кампании 1916 года на Балтийском море

Жозеф Жоффр: путь от военного инженера до маршала

Болгарские офицеры — воспитанники Морского инженерного училища императора Николая I

ISSN 0321-0026

40 лет спустя. Встреча ветеранов 46-го женского авиалюка
Художник С. Бочаров
Из коллекции Центрального дома авиации и космонавтики РОСТО (Москва)

8 марта — Международный женский день

Женщины-лётчики во время

Л. Литвяк

Получив в первые дни Великой Отечественной войны множество писем от женщин-лётчиков с просьбой помочь им вступить в ряды действующей армии, Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова вошла в правительство с предложением использовать женские лётно-технические кадры. Готовясь защищать Родину, девушки занимались в кружках Осоавиахима, овладевали техникой пилотирования, получали свидетельства пулемётчиков и к началу войны владели 2-3 военными профессиями.

Таким образом, в октябре 1941 года появился приказ И.В. Сталина о формировании и подготовке к боевой работе трёх маршевых женских авиаполков: 586-го – истребительного, 587-го – ближних бомбардировщиков (3 сентября 1943 г. переименован в 125-й гвардейский Борисовский бомбардировочный) и 588-го – ночных бомбардировщиков (в феврале 1943 г. переименован в 46-й гвардейский Таманский ночной бомбардировочный). Также некоторые женщины-лётчики служили в обычных авиаполках.

В тяжёлых условиях войны женщины-механики успешно обслуживали боевые самолёты, женщины-лётчики участвовали в ожесточённых воздушных боях, обеспечивали безопасность переброски наземных войск с воздуха, вели напряжённую работу по перехвату разведчиков противника, штурмовали наземные войска врага, прикрывали движение воинских эшелонов по железным дорогам, несли охрану промышленных городов, железнодорожных узлов, днём и ночью бомбили войска и укрепления врага.

За проявленные мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны многие женщины-лётчики награждены орденами и медалями. Осенью 1945 года женские авиаполки были расформированы.

Публикацию подготовила Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА

Эскадрилья на занятиях по тактике воздушного боя

И. Осадье, Е. Ерёменко, А. Кривоногова

Подготовка самолёта к боевому вылету

Кириллова, Волкова, Быстрова. 586-й иап, июль 1944 г.

Лётчики-истребители Екатерина Буданова и Лилия Литвяк

Л. Смирнова, Е. Буданова, К. Нечаева. 586-й иап Саратов. Декабрь 1942 г.

Зимняя форма одежды лётчика. 1941 – 1945 гг.

Великой Отечественной войны

Лётчики 46-го Таманского авиаполка Е. Никулина, А. Акимова

8 марта – Международный женский день

Командир 46-го гв. ибап Е.К. Бершанская

Постановка задачи. 46-й гв. ибап. 1943 г.

Вручение наград. 46-й гв. ибап. 1943 г.

40 лет спустя. Встреча ветеранов 46-го женского авиаполка. Музей 46-го ибап.
Фото из Центрального дома авиации и космонавтики РОСТО (Москва) и книг: Кибовский А.В., Степанов А.Б., Цыленков К.В. Униформа Российского военного воздушного флота: В 2 т. М., 2007. Т. 2. Ч. 1; Сила слабых. Женщины в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. СПб., 2005.

МУЗЕЙ ИМЕНИ

19 МАРТА – ДЕНЬ

А.И. МАРИНЕСКО

МОРЯКА – ПОДВОДНИКА

В 1997 ГОДУ был создан Музей подводных сил России имени А.И. Маринеско, раскрывающий историю создания, развития и боевой деятельности подводных сил ВМФ России более чем за 100 лет их существования. В его основу легло собрание коллекций школьного музея «Боевые действия подводных лодок типа С на Балтике 1941 – 1945 гг.». Сейчас музей представляет собой историко-культурный комплекс и состоит из двух экспозиционных залов, кают-компания и внешней площадки с рубкой подводной лодки, образцами оружия и предметами флотского назначения. Экспозиции охватывают период времени от первых попыток создать подводные корабли для обороны прибрежных крепостей до действий атомных подводных лодок в современных условиях.

Собраны здесь и коллекции военноморских флагов, гюйсов, вымпелов, применявшихся на протяжении столетий в подводных силах, моделей и макетов подводных лодок 1903 – 2008 гг., государственных наград и знаков отличия, элементов формы одежды российских и советских подводников, документов, фотографий и личных вещей, элементов техники и вооружения, применявшихся на подводных лодках с 1903 года по настоящее время.

В музее широко представлены материалы, посвященные Великой Отечественной войне. Значительное внимание уделяется ознакомлению посетителей с событиями, в которых принимали участие советские подводные лодки во время «холодной войны» на море (1946 – 1992 гг.).

Есть в музее архив и научная библиотека. Музей выпускает историко-информационный бюллетень «Вестник подплава», объединяет ветеранов-подводников ВМФ, является центром патриотического воспитания молодежи и готов сотрудничать со всеми заинтересованными организациями страны.

Публикация капитана 1 ранга
С.Н. ГОЛОВКО
Фото Н.Н. КРАВЧЕНКО
и С.В. ИЛЬИНА

▲ Директор музея капитан 1 ранга запаса И.И. Пахомов

▲ А.И. Маринеско
фото, вероятно, 1944 года

Общий вид экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне ▼

▼ На внешней площадке музея ▼

Экспозиция, посвященная периоду «холодной войны» на море ▼

▲ Фирменный китель флагманского инженер-механика бригады подводных лодок Морских сил Балтийского моря военного инженера 1 ранга Н.А. Петрова 1939 год

▲ Китель капитана 2 ранга Р.К. Вальронда, командира подводных лодок «Сом», «Пескарь», «Почтовый», «Аллигатор» 1916 год

▲ ▼ Макеты подводных лодок ▲ ▼

▼ На внешней площадке музея ▼

▲ Бюллетень «Вестник подплава»

▲ Экспозиция, посвященная А.И. Маринеско

«Ледяной поход»

К 200-летию героических переходов русских войск по льду Ботнического залива на территорию Швеции 10 – 19 марта 1809 года

М.Б. Барклай-де-Толли
Художник Джордж Дой, 1829 г.

Переход по льду русских войск под командованием М.Б. Барклай-де-Толли через Ботнический залив 10-15 марта 1809 г.

П.И. Багратион
Копия с портрета художника Джорджа Дой, конец XIX в.

Медаль «За переход на шведский берег»
Серебро

ВХОДЕ Русско-шведской войны 1808 – 1809 гг. русским командованием намечалось в 1809 году перенести боевые действия на территорию Швеции, овладеть Стокгольмом и уничтожить шведский флот.

По плану Аландской экспедиции 10 – 19 марта русскими войсками под командованием генералов П.И. Багратиона и П.А. Шувалова по льду был форсирован Ботнический залив, заняты Аландские острова и город Грислекамн на территории Швеции. Одновременно 10 – 15 марта 1809 года русские войска под командованием генерала М.Б. Барклай-де-Толли совершили переход по льду через пролив Кваркен Ботнического залива от г. Васа к г. Умео.

«Ледяной поход» русской армии осуществлялся в нелёгких условиях, усугублявшихся началом таяния льдов залива. Приходилось обходить полыньи и торосы. Во избежание обнаружения солдаты не разводили костров и спали прямо на снегу. Это был уникальный пеший переход, смелое решение, рискованная операция из числа невыполнимых, единственный случай в военной истории.

19 марта 1809 года на о. Юмале Аландского архипелага главнокомандующим русской армией в Финляндии генералом от инфантерии Богданом Фёдоровичем фон Кноррингом и командующим шведскими береговыми войсками начальником Аландского гарнизона вице-ландсхевдингом Аландских островов генерал-майором Георгом-Карлом фон Дебельном было подписано Аландское перемирие.

Планы сторон в Русско-шведской войне 1808 – 1809 гг.
Фрагмент карты

ПЕРЕХОД ПО ЛЬДУ РУССКИХ ВОЙСК ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. И. БАГРАТИОНА ЧЕРЕЗ БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ в марте 1809 г.

Публикацию подготовил старший лейтенант Р.И. ЦАРФЕНОВ

Форма одежды чинов

жандармерии во второй половине XIX века

Впервые жандармерия была создана в 1791 году во Франции, затем – в Пруссии, позже – в Германии. Во Франции, Турции, Аргентине и других государствах жандармерия является частью вооружённых сил, на которую возложено выполнение полицейских функций и проведение внешних военных акций. Французская жандармерия подчиняется непосредственно министру национальной обороны и подразделяется на департаментскую и мобильную (до 1955 г. называлась республиканской гвардией). Департаментская жандармерия состоит из территориальных бригад, рот, легионов, групп, специальных частей и подразделений. Мобильная жандармерия фактически является оперативным резервом сил безопасности и подразделяется на группы, которые состоят из эскадронов. Кроме того, в состав французской жандармерии входят республиканская гвардия Парижа, жандармерия ВВС и морская жандармерия. Всего в составе французской жандармерии, по данным на 1990 год, насчитывается 88 тыс. человек. В Турции войска жандармерии состоят из штаба полевых и территориальных войск, частей командос, морской патрульной службы, а также учебных заведений и других учреждений. Всего турецкая жандармерия насчитывает около 140 тыс. человек (1990 г.).

В России жандармерия появилась в 1792 году в Гатчине как особый конный отряд в войсках, подчинённых наследнику престола, будущему императору Павлу I, и в качестве военной полиции существовала до 1796 года. В 1815 году были сформированы первые жандармские части (полк и гвардейский полуэскадрон), предназначенные для наблюдения за порядком и настроениями в армии. С 1817 года в составе корпуса внутренней стражи учреждены жандармские команды (дивизионы). Численность корпуса жандармов в 1880 году составляла: офицеров и чиновников – 521 человек, вахмистров, унтер-офицеров и рядовых – 6187 человек. К октябрю 1916 года значительно увеличилась (соответственно на 1051 и 14 667 человек). В начале XX века полевая жандармерия состояла из одного гвардейского и шести армейских полевых эскадронов, которые подчинялись штабам военных округов и несли полицейскую службу в войсках. В России жандармерия была ликвидирована после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Подробнее о формировании жандармских корпусов в России читайте в номере статью Н.В. Макаровой «Особенности формирования жандармского корпуса в России».

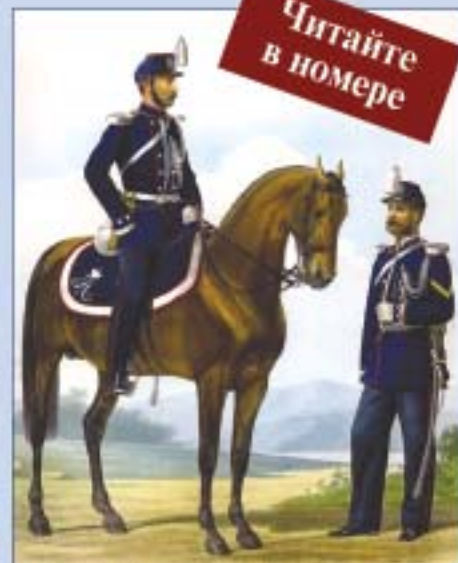
Публикацию подготовила Н.В. НЕДОСТОЕВА

Обер-офицер лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона и рядовой Жандармского полка в парадной форме. 1857 г.

Обер-офицер и унтер-офицер лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона в парадной, походной и городской форме. 1867 г.

Жандармские командиры при штабах военных округов в парадной форме. 1867 г.

Жандармские командиры в парадной и походной формах. 1872 г.

Лейб-гвардии Жандармский полуэскадрон и жандармский командир при военном округе в праздничной форме. 1874 г.

Лейб-гвардии Жандармский полуэскадрон. 1874 г.

Читайте в номере

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ВОЙН

HISTORY OF THE WARS

Д.Ю. КОЗЛОВ — Стратегическое затишье. Некоторые подробности кампании 1916 года на Балтийском море

D.Yu. KOZLOV – Strategic slackening. Some details of the Campaign of 1916 on the Baltic Sea

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI ВВ.

LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF THE XX—XXIth CENTURIES

В.С. МИЛЬБАХ — Укомплектованность командно-начальствующим составом 40-й стрелковой дивизии накануне вооружённого конфликта у озера Хасан

V.S. MILBAKH – Full strength of commanding staff of the 40th infantry division before the armed conflict near the lake of Khasan

С.Л. ПЕЧУРОВ — «Союзническая сила» агрессора: особенности военной акции против Югославии в 1999 году

S.L. PECHUROV – “Allied strength” of the aggressor: features of the military action against Yugoslavia in 1999

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS

Ю.М. КОРОБОВ — Организация связи между военными ведомствами России и Франции. 1906—1913гг.

Yu.M. KOROBOV – Organization of liaison between the military departments of Russia and France. 1906–1913

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT

А.М. БАРАБАНОВ — Развитие отечественной артиллерии во второй половине XX века

A.M. BARABANOV – Development of artillery of this country in the second half of the XXth century

А.В. ЛОБАНОВ — Вторая мировая: война моторов

A.V. LOBANOV – World War II: the war of motors

В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ

IN FOREIGN ARMIES

А.Н. КОЖУХАРОВ — Болгарские офицеры — воспитанники Морского инженерного училища императора Николая I

A.N. KOZHUKHAROV – Bulgarian officers – pupils of the Naval Engineer School of Emperor Nicholas I

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

COMMANDERS AND CHIEFS

А.Ю. ПАВЛОВ — Жозеф Жоффр: путь от военного инженера до маршала

A.Yu. PAVLOV – Josef Joffre: road from a military engineer to Marshal

М.Н. АГАМИРОВА — Д.А. Милютин и Кавказ

M.N. AGAMIROVA – D.A. Milutin and Caucasus

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

FROM THE EDITORIAL MAIL OF “VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL”

Е.В. ПОГОРЕЛОВ — Военные тайны писателя Широкограда

E.V. POGORELOV – Military secrets of writer Shirokorad

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

MILITARY TRAINING AND EDUCATION

В.Д. ОВЧИННИКОВ — Духовно-нравственное наследие адмирала Ф.Ф.Ушакова

V.D. OVCHINNIKOV – Spiritual and moral heritage of Admiral F.F. Ushakov

А.М. ПАНЧЕНКО — «Учреждается библиотека для чтения офицеров в свободное время от службы»

A.M. PANCHENKO – “The library is established for officers to read in off-duty time”

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND

Н.В. МАКАРОВА — Особенности формирования жандармского корпуса в России

N.V. MAKAROVA – Features of forming of the Gendarme Corps in Russia

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ON THE RUSSIAN EMPIRE'S FRONTIERS

К вопросу объединения тайной агентуры отдельного корпуса пограничной стражи под ведением чинов МВД

(Публикация Е.Н. ЛЕЩЁВА)

To the problem of combining of secret agents of the separate frontier guard corps under officials of the Ministry of internal affairs

(Publication of E.N. LESHCHEV)

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

FORGOTTEN NAME

Н.М. ЗАХАРЧЕНКО — Командир чапаевской дивизии

N.M. ZAKHARCHENKO – The commander of the Chapaev division

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

MEMOIRS AND ESSAYS

А.П. ПАВЛОВ — Вооруженцы 14-й гвардейской

A.P. PAVLOV – Armament maintenance specialists of the 14th Guard...

МОЛОДЁЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

YOUTH MILITARY-HISTORICAL MAGAZINE

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

IN THE PAGES OF RARE EDITIONS

А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

A.G. BRIKNER — Death of Pavel I.

(Publication of A.V. Ostrovsky)

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

MEMOIRS AND ESSAYS

Н.В. КУЗНЕЦОВА — Мы были детьми войны

(Публикация Г.А. ОСИПОВОЙ)

N.V. KUZNETSOVA – We were children of the war

(Publication of G.A. OSIPOVA)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Д.С. СМИРНОВ — Великая Отечественная война — день за днём

D.S. SMIRNOV – The Great Patriotic War – day by day

В.В. ИЗОНОВ — Вторая книга истории продовольственной службы

V.V. IZONOV – The second book of history of the food supply service has appeared

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИСТОРИЯ ВОЙН

Козлов Денис Юрьевич —

начальник отдела Института военной истории МО РФ, капитан 1ранга, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, (Москва)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗАТИШЬЕ

Некоторые подробности кампании 1916 года на Балтийском море

Важнейшим фактором, определившим характер оперативной обстановки на Балтийском морском театре военных действий в кампанию 1916 года, стал перенос центра тяжести стратегических усилий германских вооружённых сил на Западный фронт. На другом же фронте, а точнее на его стратегическом (приморском) направлении, крупномасштабных наступательных действий немцы не вели, да и их флот, основные силы которого были сосредоточены против англичан и не покидали Северного моря, активности на Балтике тоже не проявлял. Не привели к существенным результатам и летние наступательные операции войск русского Северного фронта. Так что боевые действия на Балтийском театре приобрели характер позиционной борьбы, что позволило нашему военно-морскому историку и теоретику М.А.Петрову назвать балтийскую кампанию 1916 года «периодом затишья»¹.

Состав противоборствующих на Балтийском театре группировок военно-морских сил претерпел к этому времени значительные изменения, которые коснулись и русского флота. При задержке на стапелях крупных надводных кораблей² он пополнился десятью эскадренными миноносцами («Азард», «Гавриил», «Гром», «Громоносец», «Десна», «Капитан Изыльметьев», «Лейтенант Ильин», «Летун», «Орфей», «Самсон»), тринадцатью подводными лодками («Волк», «Львица», «Пантера», «Рысь», «Тигр», «Кугуар», «Единорог», «Леопард», АГ-11, АГ-12, АГ-13, АГ-14 и АГ-15)³, шестью тральщиками, а также несколькими посыльными (сторожевыми) судами⁴. К тому же в преддверии очередной кампании его вывели из подчинения главнокомандующего армиями Северного фронта, замкнув на Морской штаб верховного главнокомандующего, образованный 24 января (6 февраля) 1916 года⁵. Это решение было принято, как докладывалось царю, с целью «устранения того двойственного положения в отношении всех дел, касающихся Балтийского флота, которое ныне имеет место»⁶. Однако главные мотивы настойчивости главы морского ведомства министр генерал-адъютанта И.К.Григоровича, надо полагать, диктовались не столько возрастанием стратегической роли Балтийского флота, сколько стремлением увеличить «вес» создаваемого в ставке Морского штаба. Именно с его учреждением Григорович связывал надежды на усиление своей роли в процессе управления действующими флотами, от которого он был практически отстранён с началом военных действий.

Несмотря на долгожданное «освобождение» Балтийского флота от власти ближайшего сухопутного начальства, в директиве начальника Морского штаба главноверха вице-адмирала А.И.Русина, полученной командующим флотом вице-адмиралом В.А.Каниным 3(16) марта, главная задача трактовалась, как и прежде, — «не допустить проникновения противника к востоку от главной морской (Нарген-Поркалаудской) позиции в Финский залив». Обеспечивающими задачами объявлялись: прочное удержание Або-Аландского и Моонзундского районов, а также «упорное сопротивление» проникновению противника в Рижский залив и, в случае прорыва неприятеля, «всемерное затруднение» его действий внутри залива. Другие задачи формулировались как «активные операции» для «нанесения возможного вреда противнику» и «содействие операциям наших армий». Характерно, что два последних пункта определялись лишь как «возможные» и во всяком случае «не идущие в ущерб главной задаче»⁷.

Сугубо оборонительный характер действий основных сил Балтийского флота в кампании 1916 года дал многим современникам, а впоследствии и исследователям, повод упрекнуть В.А.Канина в пассивности и безынициативности, которые ярко контрастировали с энергией и предприимчивостью Н.О.фонЭссена. Однако это сопоставление представляется не вполне корректным. Важно иметь в виду, что в период командования фонЭссена российский флот на Балтике не имел сколь-нибудь серьёзного противника, в то время как Канину уже через два месяца после вступления в должность командующего пришлось иметь дело с крупными силами германского флота открытого моря, предпринявшего серию операций с целью овладения Рижским заливом. Прорыв неприятеля через Ирбенский пролив в августе 1915 года показал, что в условиях отсутствия у русских сопоставимой с противником корабельной группировки погасить наступательный импульс соединений германских дредноутов может лишь глубоко эшелонированная и хорошо оборудованная система оперативной обороны. Создание на театре такой системы и стало основным содержанием деятельности Балтийского флота.

Кроме того, события августа 1915 года лишили В.А.Канина иллюзий относительно решимости великобританского флота в нужный момент оказать содействие русским союзникам активными действиями в Северном море: просьба Петрограда «принять какие-либо... меры, облегчающие давление немцев на Ригу», осталась тогда без последствий. Весной 1916 года наше командование получило ещё одну возможность убедиться в том, что на помощь англичан в случае необходимости рассчитывать не приходится. В начале апреля российский морской министр, имея в виду возможность активизации неприятеля вследствие «крайне выгодных немцам условий льда в Рижском заливе», обратился к своему британскому коллеге с просьбой о «самых энергичных демонстрациях» английского флота в Северном море, Скагерраке и Каттегате для «отвлечения внимания противника на запад»⁸. Однако первый лорд адмиралтейства А.Дж.Бальфур, адресуясь к И.К.Григоровичу 18(31)марта 1916 года, уклонился от обещания провести «эффективную военную демонстрацию», аргументировав свой отказ нежеланием «подыгрывать противнику» («to play enemy's game») и подвергать Гранд Флит ударам подводных лодок и миноносцев неприятеля в его «защищённых водах»⁹. Вообще, в кампанию 1916 года явно обозначилось снижение интереса англичан к Балтийскому театру: окончательно похоронив «балтийский проект» Дж.Фишера и сняв с повестки дня вопрос о форсировании крупными силами Датских проливов и высадке десанта на побережье Померании¹⁰, британское адмиралтейство ограничилось присылкой на Балтику четырёх малых подводных лодок¹¹.

Таким образом, при новых попытках германского флота открытого моря оказать массированное давление на Балтике В.А.Канину приходилось рассчитывать только на собственные силы, что, очевидно, стало ещё одной причиной его «чрезмерной» осторожности.

Однако немцы и не помышляли, особенно после Ютландского сражения 31 мая — 1 июня 1916 года, об активных действиях на Балтике, ограничившись постановкой своим корабельным формированиям оборонительных задач. В меморандуме командующего силами Балтийского моря гросс-адмирала принца Генриха Прусского от 10 апреля 1916 года задачи эти формулировались следующим образом: «1) предотвратить энергичное выступление русских военно-морских сил, 2) оградить нашу торговлю от больших потерь, 3) не допустить прорыва английских подводных лодок в Балтийское море»¹².<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Петров М.А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л.: РИО В.-Морских Сил РККА, 1927. С. 518.
- ² В целях «наиболее широкого содействия Военному ведомству в деле боевого снабжения армий» 8(21)июня 1915г. было высочайше утверждено предложение морского министра о «временном освобождении некоторых заводов... от заказов Морского ведомства». Работы в полном объёме предписывалось продолжать на всех подводных лодках и эскадренных миноносцах, шести крейсерах (из восьми), одном линейном крейсере (из четырёх) и одном линкоре (из трёх). См.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.418. Оп.1. Д. 1945. Л. 29.
- ³ *Апальков Ю.В.* Боевые корабли русского флота 8.1914—10.1917. Справочник. СПб.: ИНТЕК, 1996. С. 45, 52, 90—93.
- ⁴ *Моисеев С.П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.) / Под ред. Н.В.Новикова. М.: Воениздат, 1948. С. 220—227.
- ⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 63. Л. 5 об.—6об.
- ⁶ Там же. Л. 2—5.
- ⁷ Там же. Д. 60. Л. 25, 25об.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф.138. Оп.467. Д. 643. Л. 10, 11.
- ⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3367. Л. 59—63.
- ¹⁰ *Гроос О.* Учение о морской войне в свете опыта мировой войны / Пер. с нем. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 319.
- ¹¹ Группировка английских подводных лодок, в августе 1916г. образовавшая самостоятельную «Балтийскую флотилию» во главе с командером Ф.Кромби, усилилась четырьмя малыми лодками типа «С». В августе—сентябре С26, С27, С32 и С35 были приведены в Архангельск на буксире, после чего по Северной Двине, Сухоне и Мариинской системе доставлены на Балтику. (*Wilson M.* Baltic Assignment. British Submariners in Russia: 1914—1919. London: Leo Cooper in association with Secker & Warburg, 1985. P. 147—156.)
- ¹² Denkschrift des Oberbefehlshabers der Ostseestreitkräfte (Kiel, 6.4.1916) // Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation. Bearbeiten von G. Granier. Zweiter band. Koblenz: Bundesarchiv, 2000. S. 297.

*профессор Михайловской военной артиллерийской академии, доктор исторических наук,
доцент (Санкт-Петербург)*

УКОМПЛЕКТОВАННОСТЬ КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩИМ СОСТАВОМ 40-Й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ НАКАНУНЕ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА У ОЗЕРА ХАСАН

События у оз.Хасан (29июля — 11августа 1938г.) по-прежнему вызывают интерес историков и общественности. Существуют полярные мнения о причинах вооружённого конфликта и его результатах. Известно и о недостатках, которые были вскрыты в ходе конфликта. Менее известно о причинах, их породивших. Советские войска понесли значительные потери в живой силе, вооружении и технике (4239человек, 72танка, 32орудия, 9самолётов)¹ при четырёхкратном превосходстве в артиллерии, подавляющем превосходстве в бронетехнике и абсолютном господстве в воздухе. Генерал армии И.Н.Шкадов, отмечая в своих воспоминаниях ожесточённость боёв у оз.Хасан, подчёркивал: «...количественное превосходство в боевой технике, которое было на нашей стороне, само по себе не обеспечивает победы»². Следовательно, причина в том, насколько эффективно силы и средства применялись в ходе боевых действий. А поскольку ведущая роль в этом принадлежит командирам, представляется целесообразным рассмотреть полноту и качество укомплектованности командно-начальствующим составом соединений и частей, а также органов управления накануне хасанских событий.

Проблема полноты и качества укомплектованности командными кадрами соединений и частей Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА), с 1июня 1938года — Краснознамённого Дальневосточного фронта (КДФ)³, возникла в период её активного развёртывания во второй половине 1930-х годов. «Сведения о некомплекте командно-начальствующего состава РККА» от 26июня 1936года⁴ констатируют имевшийся в ОКДВА некомплект командно-начальствующего состава высокого ранга (от командира полка и выше) — 18командиров (начальников): заместитель командующего войсками — 1, командиры стрелковых корпусов — 3, начальник штаба корпуса — 1, командиры стрелковых дивизий — 2, начальник штаба дивизии — 1, помощник командира стрелковой дивизии — 1, командир механизированной бригады — 1, командиры стрелковых полков — 6, командир кавалерийского полка — 1, командир специального полка — 1.

В связи с ростом количества соединений, частей и органов управления, увеличением их штатов восполнить некомплект командно-начальствующего состава всех уровней не удалось. Во второй половине 1937года он стал таким, что не мог не влиять на состояние боеспособности войск ОКДВА.

Характерной для середины 1937года является ситуация в 40-й стрелковой дивизии 39-го стрелкового корпуса Приморской группы войск. В тот период в дивизию входили 118, 119, 120-й стрелковые полки, 40-й артиллерийский полк, 40-й танковый батальон, 40-й батальон связи, 40-й разведывательный батальон, 7-е авиазвено связи и подразделения обеспечения. Примечательно, что командование соединения было серьёзно обеспокоено положением с кадрами и пыталось найти выход из сложившейся ситуации. Летом 1937года командир дивизии комбриг

В.К.Васенцович обратился к вышестоящим начальникам с письмом относительно критической ситуации с кадрами в соединении (см. приложение).

Озабоченность формальным подходом со стороны вышестоящих начальников к решению кадровых проблем соединения постоянной готовности звучит в каждой строчке обращения.

Оценивая деятельность кадровых органов, занимавшихся командно-начальствующим составом — «командных отделов», командир 40-й стрелковой дивизии усматривал низкую оперативность работы кадровой системы и возможные негативные последствия такой работы. На примере своего соединения В.К.Васенцович не только наглядно демонстрировал общее положение с кадрами в войсках ОКДВА, но и выдвигал ряд предложений по снижению текучести кадров, по совершенствованию контроля над их пополнением, по качественному становлению командиров в своих должностях⁵.

Подобная ситуация с кадрами дивизии была характерна в начальный период массовых политических репрессий в армии (лето 1937). Но с увеличением масштабов увольнений по политическим мотивам и арестов в ОКДВА проблема с восполнением потерь в кадрах 40-й стрелковой дивизии значительно обострилась. По сведениям исполнявшего обязанности военного прокурора ОКДВА бригавоенюриста П.Т.Анкудинова, только за полтора летних месяца 1937года в числе привлечённых к уголовной ответственности за участие в политическом заговоре оказались 52представителя комначсостава этой дивизии⁶.

Попытки кадровых органов укомплектовать командные должности в первую очередь за счёт перемещения внутри соединения лишь обостряли кадровую проблему, поскольку пытались решать задачу количества, но не качества. Так, «План перемещения командного и начальствующего состава 40-й стрелковой дивизии им.Орджоникидзе Приморской группы войск» предусматривал в конце 1937года переместить 127представителей комначсостава (в основном на вакантные должности)⁷. Например, на вакантные должности командиров батальонов и дивизионов выдвигались: начальник боепитания полка, командиры рот и батарей.

Вместе с тем ряду командиров из 40-й стрелковой дивизии, несмотря на положительные отзывы непосредственных начальников об их профессиональных и деловых качествах, было отказано в продвижении по причинам политической неблагонадёжности. Например, в служебной характеристике на капитана Н.И.Чиркунова командир 120-го стрелкового полка полковник В.И.Марков указывал: «Командовал батальоном блет. В настоящее время с 10.7.37г. исполняет должность начальника штаба 118-го стрелкового полка. Тактику батальона в сложной обстановке с приданной техникой знает хорошо. Может организовать бой стрелкового полка». Однако военный комиссар полка, характеризуя капитана Чиркунова, отмечал, что тот иногда допускал «случаи политической невыдержанности». Мнение комиссара оказалось весомее, и резолюция начальника политуправления ОКДВА дивизионного комиссара И.И.Кропачёва на документах о перемещении Чиркунова гласила: «Представить материал для решения вопроса об увольнении»⁸. В результате вместо выдвижения Н.И.Чиркунова исключили из партии, а затем арестовали органы НКВД. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мильбах В.С.* Особая Краснознамённая Дальневосточная армия (Краснознамённый Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937—1938гг. СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2007. С. 210, 211.

² *Шкадов И.Н.* Озеро Хасан. Год 1938. М.: Воениздат, 1988. С.73.

³ Постановлением Главного Военного Совета РККА №8 от 8июня 1938г. управление ОКДВА 1июня 1938г. было реорганизовано и переименовано в управление Краснознамённого Дальневосточного фронта, которое 23июля 1938г. было переименовано в управление Дальневосточного Краснознамённого фронта. См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33879. Оп. 1. С.1—12.

⁴ РГВА. Ф. 37837. Оп. 10. Д. 142. Л. 222.

⁵ Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1332. Л. 382.

⁶ Там же. Д. 741. Л. 84.

⁷ Там же. Д. 1319. Л. 1—12.

⁸ Там же. Л. 13, 14.

Печуров Сергей Леонидович —

заместитель начальника Центрального военно-технического института МО РФ, генерал-майор, доктор военных наук, профессор (Москва)

«СОЮЗНИЧЕСКАЯ СИЛА» АГРЕССОРА: ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ АКЦИИ ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ В 1999 ГОДУ

Военная акция против Союзной Республики Югославия (СРЮ), осуществленная ведомым Соединёнными Штатами Североатлантическим союзом 24 марта — 10июня 1999года, стала ещё одним шагом по разрушению сформированной после окончания Второй мировой войны глобальной системы международной безопасности. Это циничное деяние, связанное с очевидным для всех попранием блоком НАТО международного права, чёрным пятном легло на его репутацию. Срыв намеченных сроков выполнения (к 50-летнему юбилею блока — в конце апреля 1999г.) поставленной задачи, отсутствие ожидавшихся результатов (свержение режима Слободана Милошевича) также не прибавили авторитета НАТО.

Своеобразие военного конфликта на Балканах состояло в том, что он включал в себя как агрессию НАТО против СРЮ, так и внутреннее вооружённое противоборство в стране на национальной почве между сербами и албанцами вокруг проблемы югославского края Косово. Причем поводом

для натовского вооружённого вмешательства явилось резкое обострение в 1998 году до тех пор вяло текущего конфликта между сербами и албанцами¹.

Признавая за Белградом определённую вину за порой чрезмерную жёсткость в отношении равнявшегося к независимости албанского населения края, в то же время не стоит игнорировать объективный факт постоянного и методичного нагнетания напряжённости в колыбели сербской культуры — Косово при первом время скрытой, а затем, начиная с конца 80-х гг. прошлого столетия, уже почти открытой поддержке Западом сепаратистских устремлений резко увеличившегося здесь за последние десятилетия албанского населения — до 80 проц. (к середине 90-х гг.).

Стремление бывшей центральной нации федеративного государства — сербов отстаивать свои политические и территориальные права вызвало крайне негативную реакцию не только со стороны правящих режимов всех вновь образованных государств на просторах бывшей многонациональной Югославии, но и у стоявших за ними военно-политических кругов Запада.

Обвинив Белград в срыве переговоров во Франции о будущем мятежного края и в несогласии сербов принять унижительный ультиматум Запада, сводившийся к требованию фактической оккупации Косово, 29 марта 1999 года генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана отдал приказ верховному главнокомандующему объединёнными вооружёнными силами (ОВС) блока в Европе американскому генералу Уэсли Кларку начать военную кампанию против Югославии в форме воздушной операции, получившей наименование «Союзническая сила»². В её основе лежал план 10601, предусматривавший несколько фаз ведения военных действий³. Весьма примечательно, что принципиальная схема проведения данной операции была разработана ещё летом предыдущего, 1998 года, а в октябре того же года была уточнена и конкретизирована⁴.

Несмотря на тщательность проработки всех прямых и сопутствующих вопросов, связанных с операцией, западные союзники оказались перед фактом совершаемого ими преступления. В принятом Генеральной Ассамблеей ООН ещё в декабре 1974 года определении агрессии (резолюция 3314) однозначно указывается: «Будет квалифицирована в качестве акта агрессии: бомбардировка вооружёнными силами государств территории другого государства. Никакие соображения любого характера, будь то политические, экономические, военные или другие, не могут служить оправданием агрессии»⁵. Но Североатлантический союз и не пытался получить санкцию ООН, поскольку Россия и КНР всё равно заблокировали бы проект резолюции Совета Безопасности, если бы он был внесён на голосование. Однако натовскому руководству всё же удалось обыграть в свою пользу развернувшуюся в стенах ООН борьбу толкований международного права, когда Совет Безопасности ещё в самом начале агрессии выразил фактическое согласие с операцией, отвергнув (3 голоса — «за», 12 — «против») представленный Россией проект резолюции, призывавший к отказу от применения силы против Югославии⁶. Тем самым якобы исчезли все основания для формального осуждения зачинщиков военной кампании.

Более того, забегаая вперед, отметим, что уже после окончания агрессии на открытом заседании Совета Безопасности главный прокурор Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии в Гааге Карла дель Понте сделала заявление о том, что в действиях стран НАТО в отношении Югославии в период с марта 1999 года нет состава преступления и что обвинения в адрес политического и военного руководства блока несостоятельны. Но, по словам представителя Ассоциации американских юристов при европейской штаб-квартире ООН в Женеве А.Тейтельбома, К. дель Понте «фактически созналась, что ей очень трудно предпринять шаги, идущие вразрез с интересами Североатлантического союза», так как содержание Гаагского

трибунала обходится в миллионы долларов, а большую часть этих денег предоставляют США, поэтому в случае подобных действий с её стороны она может просто потерять свою работу⁷.

Примечателен и тот факт, что даже в стране — инициаторе агрессии, США, не могли проигнорировать факт открытого военного вмешательства во внутренние дела суверенного государства. Однако неоднократные попытки некоторых законодателей как в ходе агрессии, так и после её завершения призвать администрацию американского президента к ответу за «нелегитимное применение вооружённых сил» в конце концов потерпели фиаско в результате продуманных, скоординированных действий властей.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Talentino A.K. Military Intervention After the Cold War. Ohio University Press, 2005. P. 239.

2 Дрожжин А., Алтухов Е. Воздушные войны в Ираке и Югославии. М., 2002. С. 49.

3 www.afsouth.nato.int.

4 Ibid.

5 www.temadnya.ru/spravka/21feb2001/257.html.

6 Security Council Rejects Demand for Cessation of Use of Force Against Federal Republic of Yugoslavia. UN Press Release SC/6659. 26 Mar. 1999.

7 Антокольский А. НАТО против Югославии: бомбардировка гражданских объектов // Зарубежное воен. обозрение. 2000. №7. С.10.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Коробов Юрий Михайлович —

старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ ВОЕННЫМИ ВЕДОМСТВАМИ РОССИИ И ФРАНЦИИ. 1906—1913ГГ.

На рубеже XIX—XX веков в военных ведомствах ведущих европейских государств под подготовкой страны к войне понимался комплекс мероприятий по планированию войны, подготовке экономики, населения, вооружённых сил и театра военных действий. Одной из важнейших составляющих последнего являлось обеспечение средствами и линиями связи. Генеральные штабы России и Франции с первых же шагов по пути коалиционного сотрудничества самое серьёзное внимание уделяли организации связи между собой как в мирное, так и в военное время.

Линии военно-голубиной связи, на которые первоначально делалась ставка в организации связи между военными ведомствами России и Франции проходили через Балтику и через Чёрное и Средиземное моря. Но в силу большой уязвимости этого способа сообщений от него пришлось отказаться. Переговоры с французским Генеральным штабом по вопросам организации двусторонней связи в военное время проводились через 2-е бюро российского Генерального штаба и 8-е делопроизводство отдела 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Обе стороны, информируя друг друга о состоянии работ, отмечали, что опыты с голубями встречают большие затруднения¹. Уже в личных посланиях начальников генеральных штабов генерала Брена и генерала Палицына в январе—феврале 1906 года обсуждался вопрос о ненадёжности и лёгкой уязвимости линий военно-голубиной связи как северного, так и южного направлений². И, надо сказать, весьма своевременно, так как в сентябре 1906 года датское правительство потребовало закрыть русские голубиные станции в Копенгагене и Эсберге из-за боязни нарушить нейтралитет с Германией.

Вопрос о будущем военно-голубиных линий связи решался на встрече начальников русского и французского генеральных штабов в апреле 1907 года. Было решено отказаться от этого способа сообщения ввиду его ненадёжности. Ещё ранее в результате взаимных консультаций, признавая серьёзные трудности в обеспечении функционирования северной линии военно-голубиной связи, русский Генеральный штаб принял решение о её упразднении.

Взоры в генеральных штабах обращаются к телеграфу. Ещё в 1905 году в докладной записке по Главному управлению Генерального штаба от 15 мая «Об установлении с Францией связи» полковник Данилович отмечал, что «...необходимо напрячь все силы, чтобы установить единственно надёжное телеграфное кабельное сообщение или в крайнем случае — беспроводное, лучше всего же и то, и другое»³. Кроме того, даже в 1902 году на совещании начальников генеральных штабов двух стран уже поднимался вопрос о прокладке телеграфного кабеля к Франции по северному и южному пути. Тогда предпочтительнее выглядел северный путь через Белое море или через Либаву — Копенгаген — Эсберг — Дюнкерк. Однако уязвимость кабеля на Балтике со стороны германского флота создавала определённые трудности в реализации этой идеи. Прокладка же телеграфного кабеля из Мурманска до Бреста была сопряжена с огромными техническими трудностями. Наиболее реальной выглядела прокладка телеграфного кабеля по южной линии через Одессу — Константинополь — Бизерту. Начальник французского Генерального штаба генерал Брен, исходя из негативных результатов деятельности подготовленных линий военно-голубиной связи, предложил на рассмотрение русского Генерального штаба следующие варианты: использовать американский кабель Сан-Франциско — Манила — Шанхай (произведённый опыт связи через консулов потребовал 20 часов времени); воспользоваться линиями, уже проложенными в Средиземном море; воспользоваться линиями, принадлежащими Англии, в случае её нейтралитета или же участия в войне с Германией. Перечисленные проекты связи с Россией генерал Брен считал необходимым подвергнуть всестороннему изучению.

Поиски надёжных каналов связи на случай войны продолжались. В 1907 году по взаимному согласию русского и французского генеральных штабов было решено установить непосредственную радиотелеграфную связь между Россией и Францией по двум направлениям: между Парижем и Бобруйском и между станциями в Бизерте и Севастополе. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 413. Л. 10.

² Там же. Л. 60—62.

³ Там же. Л. 20.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

БАРАБАНОВ Александр Михайлович —

профессор Михайловской военной артиллерийской академии, полковник запаса, кандидат военных наук, профессор (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРТИЛЛЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Настоящая статья является логическим продолжением предыдущей публикации автора, посвящённой созданию и развитию отечественных ракетных войск Сухопутных войск¹. Артиллерия ныне является составной частью единого рода войск — ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск (РВиА СВ), при этом она в сравнении с ракетными войсками прошла очень длительный исторический путь своего развития.

Артиллерия — исторически третий после пехоты и кавалерии род войск, предназначенный для поражения противника огнём своих орудий. По мере расширения сфер поражения происходила специализация артиллерии, и в XX веке она вошла в состав всех видов вооружённых сил. Во Второй мировой войне артиллерия СВ и зенитная артиллерия ВВС (в СССР — Войск ПВО страны) были родами войск, а береговая артиллерия — родом сил ВМФ². За свою мощь советская артиллерия была названа «богом войны», а за боевые заслуги первой из всех родов войск уже в 1944 году удостоилась чести иметь свой праздник — День артиллерии. Но её послевоенная судьба оказалась непростой.

В период Великой Отечественной войны артиллерия СВ как род войск включала два вида артиллерии — наземную и зенитную. Удельный вес зенитных орудий был невелик: так, на 1 мая 1945 года они составляли лишь 8 проц. всей артиллерии СВЗ. Зенитная артиллерия выполняла настолько специфические задачи, что в 1958 году на её основе были созданы войска ПВО СВ. Поэтому с того времени артиллерия СВ является наземной. Отметим, что такова же артиллерия воздушно-десантных войск (ВДВ), морской пехоты ВМФ, внутренних и пограничных войск. При этом, конечно, наиболее многочисленной была и остаётся наземная артиллерия СВ.

Прямое назначение артиллерии — огневое поражение противника, а по отношению к своим войскам (пехота и др.) она является главным средством их поддержки в бою. В соответствии с предназначением совершенствуются присущие этому роду войск вооружение, организация и боевое применение. Основу вооружения артиллерии составляют орудия (пушки, гаубицы, миномёты), реактивные системы залпового огня (РСЗО), противотанковые ракетные комплексы (ПТРК), а также собственные средства разведки. По основному назначению средств поражения различают полевую (ПА) и противотанковую (ПТА) артиллерию. ПА выполняет широкий круг задач стрельбой с закрытых огневых позиций, ПТА — специальные задачи прямой наводкой. По принадлежности артиллерия делится на войсковую и резерва Верховного Главного командования (РВГК). По боевым возможностям, прежде всего по дальности стрельбы и досягаемости орудий, она относится к тактическим средствам поражения. Основу боевого применения артиллерии составляют распределение её формирований (создание группировки) и определение форм и способов поражения противника.

Развитие артиллерии СВ после Второй мировой войны целесообразно рассматривать по тем же этапам, что и развитие ракетных войск (РВ) СВ. Общим основанием для их выделения является соотношение обычного и ядерного оружия⁴. Их сущность и временные рамки: обычное оружие (1945—1953 гг.), внедрение ракетно-ядерного оружия (1954—1959 гг.), придание ему роли главного средства борьбы (60-е гг.), возрастание значимости обычного оружия (1970—1985 гг.), придание ядерному оружию роли сдерживающего фактора (с 1985 г.).<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Барабанов А.М.* Развитие ракетных войск Сухопутных войск во второй половине XX века // Воен.-истор. журнал. 2008. №3. С.9—12.

² Военная энциклопедия. Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 235; Советская военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976. С. 321.

³ Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. Т. 2. М.: Воениздат, 1963. С. 62.

⁴ См.: *Барабанов А.М.* Указ. соч. С. 5.

ЛОБАНОВ Андрей Владимирович —

начальник военного представительства МО РФ, подполковник (Москва)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ: ВОЙНА МОТОРОВ

Во Вторую мировую войну Германия вступила весьма подготовленной в военно-техническом отношении, прежде всего в сфере военной авиации. Двигателестроительная отрасль её авиационной промышленности, несмотря на годы Версальских ограничений, имела хороший технологический задел, ибо конструкторские и инженерные кадры, вывезенные в Бельгию, Голландию, Швецию и Швейцарию, продолжали работать над усовершенствованием авиационных двигателей. Совершенно в другом положении находился Советский Союз — основной противник Германии во Второй мировой войне. Если в Германии авиационное моторостроение зародилось в самом начале XXвека, имело устоявшиеся школы, кадры обладали большим опытом, то в дореволюционной России не имелось ни одного КБ, ни одного специализированного завода, который занимался бы полным циклом разработки и изготовления авиадвигателей, отсутствовали инженерные и конструкторские школы авиационного двигателестроения. Советскому Союзу самолётостроение, как и многое другое, пришлось начинать с нуля. В итоге, несмотря на форсированное развитие промышленности и ускоренную подготовку кадров, авиастроение, прежде всего двигателестроение, просто не успело получить необходимое количество специалистов, а имевшиеся ещё не обладали опытом конструирования и отработки авиадвигателей.

В предлагаемой вниманию читателей статье рассматриваются проблемы создания и эксплуатации авиационных двигателей в Германии и СССР в 1941—1945гг., успехи и неудачи конструкторов по обе стороны фронта, прорыв советского авиационного двигателестроения в кратчайшие сроки к новым технологическим высотам.

Двигатели жидкостного охлаждения

В конце 30-х годов XXвека конструкторы истребителей практически всего мира обратили свой взгляд на двигатели жидкостного охлаждения. Несмотря на существенный недостаток — наличие рубашки водяного охлаждения и радиаторов для охлаждающей жидкости, повреждение которых вело к перегреву и разрушению двигателя, — конструкторов прельщало меньшее лобовое сопротивление таких двигателей и определённый выигрыш в массе.

СССР после неудачных попыток создать лёгкие, компактные и мощные авиадвигатели жидкостного охлаждения приобрёл лицензию на изготовление двигателя «Испано-Сюиза» HS12Ybrs1. Его адаптацию к отечественным условиям производства поручили КБ В.Я.Климова. Развитием данной линии двигателей стали моторы М-100, М-103 и М-105. М-105ПА к началу войны являлся основным советским двигателем жидкостного охлаждения для истребителей. Он имел взлётную мощность 1100л.с., номинальную 1100л.с. на высоте 2000м и 1050л.с. на высоте 4000м (здесь и далее — см. табл.1)2. В развале цилиндров двигателя имелась возможность

установить пушки калибра 20, 23 и 37мм. М-105ПА устанавливался на истребителях Як и ЛаГГ, а в модификации М-105РА — и на пикирующих бомбардировщиках Пе-2.

Надо отметить, что доводка двигателя потребовала серьёзных усилий. По сравнению с прототипом «Испано-Сюизой» М-105 имел почти на треть большую мощность: 1100л.с. против 825. Это привело к недостаточной производительности откачивающей маслопомпы, масло перегревалось, и его выбрасывало через суфлёрное отверстие. Масло просачивалось также через ненадёжные уплотнения сальников. Как следствие, лобовое стекло фонаря кабины лётчика покрывалось непрозрачными разводами, а замаслившиеся соты радиаторов ухудшали и без того напряжённый тепловой режим. К тому же часто выходила из строя система зажигания, свечи приходилось менять чуть ли не перед каждым вылетом. Имелись и другие дефекты. Из-за выбивания масла через суфлёр и раскрутки винта двигатель часто выходил из строя, в его картере обнаруживали стружку. Тем не менее к лету 1941года наиболее существенные дефекты успели устранить и пустить М-105ПА в производство. Серийный двигатель надёжно отработывал положенные ему 100ч, после чего его отправляли на переборку.

Однако уже с первых дней войны стало очевидным, что истребители с такими двигателями во многом проигрывают истребителям люфтваффе Вf.109F3/F4, оснащённым двигателями «Daimler-Benz» DB601Aa, DB601N и DB601E/F. Командование ВВС РККА поставило вопрос об установке на истребителях Як и ЛаГГ более мощных двигателей.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самолётостроение в СССР. 1917—1945. Кн. 1. М.: Изд. отдел ЦАГИ, 1992. С. 74, 75.

² Самолётостроение в СССР. Кн. 2. М.: Изд. отдел ЦАГИ, 1992. С. 170.

В ЗАРУБЕЖНЫХ АРМИЯХ

КОЖУХАРОВ Асен Николов —

начальник кафедры тактики ВМС и морских операций Высшего военно-морского училища имени Н.Й.Вапцарова, капитан 1ранга, доктор исторических наук, доцент (г.Варна, Болгария)

БОЛГАРСКИЕ ОФИЦЕРЫ — ВОСПИТАННИКИ МОРСКОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

2009 — год Болгарии в России

До Первой мировой войны большая часть офицеров военно-морского флота Болгарии проходила обучение за пределами своей страны. Одним из заграничных учебных заведений, которые решали эту задачу, было Морское инженерное училище Императора Николая I (МИУ), находившееся в России, в Кронштадте. До сих пор нет ни одной научной публикации, посвящённой истории этого обучения и его результативности. Исследованиям этой проблемы препятствовал комплекс причин политического и административного характера. Даже и сейчас далеко не все архивы доступны. Вот почему в настоящей публикации использовались материалы преимущественно из болгарских архивов: Государственного военно-исторического архива (г.Велико Тырново), Военно-морского музея (г.Варна), двух Территориальных государственных архивов (г.Варна и г.Руссе), ряда частных собраний документов, а также сохранившаяся в Общегерманском военном архиве г.Фрейбурга (ФРГ) переписка.

Обучение будущих болгарских морских офицеров в МИУ проходило в период с 1906 по 1915 год. Однако чтобы показать преемственность поколений болгарских воспитанников, необходимо коротко сообщить данные об обучении болгар в Морском техническом училище в Кронштадте (предшественнике МИУ) с 1885 по 1890 год — кадетов Тодора Соларова и Димитра Карамаждракова. Известно, что последний в 1887 году в ходе обучения получил одноразовое денежное пособие от Княжества Болгария¹.

У Димитра Карамаждракова была относительно скоротечная и не совсем успешная карьера, которая оборвалась на рубеже XIX—XX вв. Морской офицер служил в портовой роте в г.Руссе², там же с 1897 года возглавил Морскую унтер-офицерскую школу (предшественница Машинного училища флота его величества, затем Морского машинного училища и после нескольких изменений на протяжении всего XX века — современного Высшего военно-морского училища (Морское училище, г.Варна), в которой он преподавал алгебру и геометрию с 1891 по 1898 год³.

Биография Тодора Соларова (1865—1920) относительно лучше исследована, ей современные авторы посвятили несколько публикаций. У этого офицера была продолжительная и успешная флотская карьера. Он активно плавал как по р.Дунаю, так и в Чёрном море, одно время возглавлял флотскую мастерскую, участвовал в строительстве болгарских миноносцев (1906—1909), а до этого был назначен наблюдающим за строительством авизо* «Надежда». Однако основной вклад в болгарскую флотскую историю Д.Карамаждракова и Т.Соларова заключается в том, что оба были начальниками Морского училища. Они, несомненно, вложили немало труда в усовершенствование учебного процесса и имели продолжительную военно-педагогическую практику. Особо проявил себя Т.Соларов, под руководством которого училище переместилось из Руссе в Варну, получило новый статус в 1904 году⁴ и стало первым средним техническим училищем Болгарии. Т.Соларов — составитель первых учебников на болгарском языке в истории Морского училища. Его примеру последовали остальные преподаватели: так, впервые на болгарском языке было напечатано несколько учебных пособий в области техники и морского вооружения⁵.

Относительно хуже историки исследовали процесс обучения шести болгар — воспитанников МИУ и их деятельность после получения дипломов.

Приём болгарских стипендиатов в МИУ в начале XX века оказался возможным только после возобновления обучения болгар в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, причём на восемь лет позже. Причину надо искать в том, что флот Болгарии не испытывал в механиках столь видимого дефицита, как это было со строевыми офицерами, а Морское училище в достаточном количестве обучало механиков. Однако с началом строительства миноносцев для болгарского

флота повысились требования к составу механиков и выявилась необходимость в таких познаниях, какие в то время Морское училище не давало. Кроме того, возникла потребность в том, чтобы управление техническими звеньями флота осуществлялось офицерами с высшим инженерным образованием.

В период с 1906 по 1911 год в МИУ стипендиатом был Александр Иванов Божков, откомандированный по предписанию военного ведомства Болгарии флотским отделением 30 сентября 1906 года. Он уехал в Санкт-Петербург после окончания реальной гимназии в г. Руссе и, вероятно, на него пал выбор по той причине, что он владел русским, французским и английским языками.

А. Божкова зачислили на машинное отделение училища. Он успешно изучил теоретический курс, а в период с 1907 по 1910 год побывал в летних плаваниях (на канонерке «Храбрый», на транспорте «Николаев» и дважды на пароходе «Стрелок»). В ходе обучения он проявил интерес к кораблестроению, о чём свидетельствуют его письмо из Кронштадта от 26 октября 1910 года командующему флотом Болгарии капитану 1 ранга Станчо Димитриеву⁷ и то обстоятельство, что после дипломирования в 1911 году он стажировался на Балтийском судостроительном механическом заводе в Санкт-Петербурге⁸. С начала 1912 года инженер А. Божков — уже на преподавательской должности в Машинном училище⁹, где читал курс лекций по судостроению.

Далее количество обучаемых болгар в МИУ шло по нарастающей. Однако, в отличие от А. Божкова следующими стипендиатами МИУ стали воспитанники Военной гимназии, Военного (пехотного) училища в Софии¹⁰. В 1910 году в МИУ поступили Георги Ненов и Георги Буков. Они успешно окончили теоретический курс, а в 1913 году проходили практику на крейсере «Громобой», на котором застали болгарского гардемарина Савву Иванова из Морского кадетского корпуса¹¹. В 1914 году они получили дипломы, провели плавательную стажировку и вернулись в Болгарию¹².

Последняя и наиболее крупная группа поступила учиться в МИУ в 1912 году. В её состав входили воспитанник Военной гимназии, Военного училища в Софии Койчо Георгиев¹³ и стипендиаты Никола Вылев Вылчев и Васил Пачеманов, о которых известно, что они окончили подготовительный класс того же училища¹⁴. Из-за начавшейся Первой мировой войны и ухудшения отношений между Российской империей и Царством Болгария (до 1908 г. — княжество) они были вынуждены закончить своё образование в сокращённые сроки. Они сдавали экзамены экстерном, а плавательную практику и стажировку на боевых кораблях им сильно сократили. В итоге получили дипломы только В. Пачеманов и К. Георгиев¹⁵, а Н. Вылчев вернулся в Болгарию без такового¹⁶.

Недавно в болгарском журнале «Исторически преглед» И. Танчев опубликовал общую периодизацию обучения болгар в зарубежных военно-учебных заведениях. В своей статье автор разделил хронологический интервал с 1878 по 1912 год на три этапа, причём граничные даты между ними определили военно-политические отношения между Болгарией и Российской империей: I этап (1878—1886) очерчен русской монополией в отношении подготовки кадров для вооружённых сил Княжества Болгария и Восточно-Румелийской автономной области Османской империи; II этап (1887—1898) характеризуется переориентацией на западноевропейские военные учебные заведения в результате управления министр-председателя С. Стамболова (1886—1894), связанной с разрывом дипломатических отношений между Российской империей и Княжеством Болгария, с Сербско-болгарской войной в 1885 году. К этому следует добавить и период решения офицерско-эмигрантской проблемы (1894—1898) после ухода С. Стамболова в отставку; III этап (1898—1912) характеризуется доминирующим участием военно-учебных заведений России в

заграничном обучении болгарских офицеров¹⁷. Такой крутой поворот объясняется восстановлением дипломатических отношений между Россией и Княжеством Болгария.

Очевидно, что использованные в данной периодизации принципы правильно сформулированы, но необходимо внести некоторые коррективы. На втором этапе в России, в Морском техническом училище продолжают обучаться будущие болгарские офицеры, и даже один кадет, который получает за это деньги от правительства в Софии, что несколько противоречит утверждению И.Танчева, что русские военно-учебные заведения «посещает только известное число болгарских офицеров-эмигрантов, находящихся на русской службе»¹⁸. Отметим, что прерывание отношений с Россией затрудняло, но не сводило на нет со стороны болгарского государства целевое обучение офицерских кадров в Кронштадте.

Также третий этап целесообразно расширить до 1915года. С осени этого года Царство Болгария находилось в состоянии войны с Россией, но с 1912 по 1915год будущие болгарские офицеры обучались не только в ней, но и в других странах Антанты, например, в ВМУ в Ливорно (Италия)¹⁹.

Надо отметить, что история обучения болгар в МИУ не обрывается в 1915году. В период с 1951 по 1957год неоднократно по 15болгар направлялись для обучения в Высшем военно-морском инженерном ордена Ленина училище (ВВМИОЛУ) им.Ф.Э.Дзержинского (г.Ленинград), которое являлось наследником МИУ. Они успешно его окончили²⁰. Один из таких выпускников — капитан 1ранга Кюлджиев отмечал, что в 1954году в преклонных годах доцент Николай Иванович Колычев вспоминал перед курсантами из Болгарии, что обучал когда-то кадетов Г.Букова и К.Георгиева. Возобновление связей с ВВМИОЛУ пришлось на момент, когда прошлое всё ещё не было забыто. Впрочем, в 1973году успешно окончил своё обучение в адъюнктуре в том же училище будущий доцент Кюлджиев²¹.

Вернёмся к временам Первой мировой войны. Независимо от того, что вновь обученным в России морским офицерам-инженерам пришлось воевать против своих учителей, их использовали довольно активно. В болгарском флоте воспитанники МИУ участвовали во многих боевых плаваниях, минных постановках и в тралении Варненского залива, в высадках в Балчике, Каварне и на мысе Калиакрия в 1916году²². Им выпала честь осваивать новую боевую технику: тральщики, гидроавиацию и первую болгарскую подводную лодку²³. С этой целью часть из них проходила курсы по перекавалификации в Германии. Г.Букова направили на курс подводного плавания. Немецкие эксперты оценили его не только как машинного инженера, но и как способного командира. Его знания по судостроению, полученные в МИУ (г.Кронштадт) были использованы и в Германии. В 1918году его командировали наблюдать за строительством подводных лодок на германской имперской судовой верфи. Доклад Г.Букова по решению этой задачи получил высокую оценку немецких экспертов, что стало признанием не только его способностей, но и качества инженерной подготовки, полученной в России²⁴. Так Г.Буков стал вторым болгарским инженером после Протасия Пампулова, о котором известно, что он участвовал в строительстве субмарин.

Г.Ненов развивался в другом направлении. В Германии ему пришлось перекавалифицироваться в инженера гидроавиационной техники и по окончании войны его служба уже проходила в составе военно-воздушных сил Болгарии²⁵.

Несомненен вклад воспитанников МИУ в развитие Морского училища (г.Варна). Их деятельность была многоплановой как относительно повышения образовательного статуса училища, так и в деле совершенствования отдельных компонентов учебного процесса. Все офицеры, окончившие МИУ, были преподавателями в Морском училище Варны. Они преподавали судостроение,

технологии и газовые двигатели (как тогда называли ДВГ) на более высоком уровне, чем их предшественники. Во время войны наиболее серьёзным преподавательским достижением была публикация учебника Г.Ненова «Записки по технология. За I—III курс на Машинного училище при флота»²⁶.

Наиболее примечательной стала продолжительная (40 лет) преподавательская деятельность Койчо Георгиева. Он являлся автором четырёх книг и не менее 26 статей, в которых пропагандировались технические новости и идеи. Безусловно, все воспитанники МИУ в той или иной степени связаны с белой эмиграцией, осевшей в Болгарии, однако эта связь наиболее чётко прослеживается у К.Георгиева, который являлся соавтором одной из книг Константина Давыдова — белоэмигранта и преподавателя Морского училища, а в 1930 году, вероятно, стал редактором первого учебника по судостроению на болгарском языке. Учебник написал белоэмигрант Александр Левков — друг К.Георгиева, его коллега-преподаватель в Морском училище. Таким образом, в те трудные послевоенные годы К.Георгиев способствовал внедрению белоэмигрантского интеллектуального потенциала в морское техническое образование Болгарии.

Завершение Первой мировой войны и сокращение флота, его трансформирование в морскую полицейскую службу (по ограничениям мирного договора) лишило офицерской карьеры всех воспитанников МИУ в Болгарии. До 1925 года все они ушли в отставку, так и не став старшими офицерами²⁷. Причина тому — крайне ограниченные перспективы кадрового роста вообще. Исключение составляет К.Георгиев, который, имея статус отставного офицера, после окончания Второй мировой войны вновь надел форму, а в 1949 году стал капитаном 1 ранга и руководителем цикла, впоследствии кафедры «Корабельные силовые установки» в Морском училище²⁸.

Многие воспитанники МИУ сумели реализоваться и в гражданской жизни. И это отнюдь не случайно и не импровизированно. Сразу по окончании Первой мировой войны часть из них легализовала свои дипломы. Так, в 1919 году Г.Буков и Г.Ненов — как морские инженеры²⁹. А.Божков регистрировался как машинный инженер в 1928 году³⁰. Последним в этом ряду осуществил легализацию диплома К.Георгиев (1942)³¹. В конечном итоге большая часть воспитанников МИУ справилась с этой проблемой и успешно реализовалась по специальности уже будучи отставными офицерами.

Несколько иначе сложилась судьба Н.Вылчева. После ухода в отставку он в 1919—1921 гг. плавал в Болгарском торговом пароходном дружестве 3-м помощником-механиком на пароходах «София» и «Болгария»³², затем учился и получил диплом электроинженера, повторно стал служителем военного ведомства уже в качестве преподавателя Морского училища. Тогда он опубликовал известное учебное пособие — «Записки по радиотехнике» (1930). Кроме того, до середины 30-х годов XX века Н.Вылчев был деятелем Болгарского инженерно-архитектурного дружества (БИАД) в г. Варне³³.

Г.Буков занялся частной практикой в Софии. Создал собственное техническое бюро и генеральное представительство иностранных фирм по доставке машиностроительных изделий. Вскоре стал деятелем БИАД в Софии³⁴. После Первой мировой войны он издал практическое руководство — «Двигатели с втрешно горене» (1925), на титульной странице которого отмечено, что учебное пособие предназначено для обучаемых в средних технических учебных заведениях Болгарии. В 1945 году Г.Буков опубликовал второе издание книги. Она была основательно переработана и в значительной мере расширена.

А.Божков работал инженером на судовой верфи «Кораловаг» (г.Варна)³⁵, а позже — на заводах «Чилов» в г.Костинброде. Состоял в БИАД (г.Варна) и был заместителем его председателя в 1933 году³⁶.

Из отставных морских офицеров на «гражданке» наиболее успешная карьера сложилась у Г.Ненова. В 1921 году его назначили учителем, а позже и директором Среднего механико-технического училища в Руссе. Он создал учебники: «Измерения на автомобиле» (1927), «Моторы, тракторы и вёршачки. Практическое руководство» (1939).

Автор состоял в БИАД с начала 20-х годов XX века и был его председателем (г.Руссе)³⁷. Ещё более впечатляющи его успехи в экономической сфере. Г.Ненов оказался среди основателей фирмы «Болгарское речное плавание» (БРП) и одним из её первых директоров³⁸. Более того, в 1944 году он поднялся ещё выше и был назначен на должность директора управления «Водные дороги»³⁹.

Все воспитанники МИУ были преподавателями Морского училища в Варне, которое до 1942 года тоже было средним техническим учебным заведением. И это не случайно, так как МИУ и Морское училище, несмотря на их различные статусы, имели схожий технический профиль обучения. Современные исследователи отмечают, что под руководством Т.Соларова был заложен тот прочный фундамент, на котором четыре десятилетия позже это учебное заведение преобразовалось в Высшее военно-морское училище⁴⁰. За эти сорок лет наследники Т.Соларова, а именно воспитанники МИУ, участвовали в совершенствовании его учебных планов и программ, оказывали влияние на изменение статуса МИУ как учебного заведения. В конечном итоге в 1942 году Морское училище получило статус высшего специального технического учебного заведения, а относительно его «судостроительного» отдела эта задача, хотя и за короткое время, была решена в конце 50-х гг. XX века.

В заключение подчеркнём, что воспитанники МИУ внесли весомый вклад в освоение новой материальной части болгарского флота во время Первой мировой войны, особенно в гидроавиации и подводном плавании. Они были активными участниками боевых действий на море. Несмотря на отдельные достижения, их военная карьера сложилось не так удачно, как им хотелось. До ухода в отставку ни один из них не получил звания старшего офицера, и награждали их не так часто, как остальных морских офицеров. Причин столь ограниченных результатов много: некомандный профиль их обучения, политический поворот в 1915 году, в результате которого Болгария находилась в состоянии войны с Российской империей, катастрофический конец войны и последовавшие за ним радикальные сокращения армии и флота.

Намного успешнее оказалась их реализация в мирной жизни, где воспитанники МИУ проявили себя как талантливые судостроители, руководители в речном судоходстве, деятели БИАД, авторы и редакторы уникальных технических изданий и учебных пособий, а также как опытные преподаватели и академические администраторы.

* Ави́зо (франц. aviso — уведомление, известие) — небольшой быстроходный корабль для посылной службы и разведки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Танчев И.* Българската държава и учението на българи в чужбина 1879—1892. София: Издателство на Българската Академия на Науките «Марин Дринов», 1994. С.160.
- ² *Руменин Р.* Офицерският корпус в България 1878—1944. София: ВИ, 1996. Т. 3. С. 77.
- ³ Алманах на възпитаниците на Морско училище 1881—2005. Варна: Стено, 2006. С. 10.
- ⁴ Военно-морской музей (ВММ). Основной фонд. Удостоверение от флота на Негово Величество №8873/23.12.1914, л.3, 4.
- ⁵ *Алексиев И.* Омаяни от кораби мъже. Варна: ИК «Морски свят», 2006. Т. 1. С. 349, 352.
- ⁶ Государственный военно-исторический архив (ДВИА). Ф.1027. Оп.1. Д.5. Служебен списък на Александър Иванов Божков. Л.888.
- ⁷ *Павлов В.* Развитие на Българския военноморски флот 1897—1913. София: ДВИ, 1970. С. 95.
- ⁸ ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 5. Л. 889.
- ⁹ Там же. Л. 890.
- ¹⁰ Там же. Л. 523, 543.
- ¹¹ *Павлов В.* Български морски офицери. София: ДВИ, 1973, С.117.
- ¹² ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 5. Л. 523, 543.
- ¹³ См.: *Кожухаров А.* Капитан 1 ранг Койчо Георгиев — изтъкнат преподавател на Морско училище от първата половина на миналия век // Военноисторически сборник. 2008. № 2.
- ¹⁴ ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 42. Л. 278, 1054.
- ¹⁵ Частное собрание документов Г.Койчева. Выпускное свидетельство №1152: Морское инженерное училище Императора Николая I, 15.4.1915 г., Кронштадт.
- ¹⁶ ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 42. Служебен списък на Никола Вълчев Вълев. Л. 278.
- ¹⁷ *Танчев И.* Българи в европейски военноучебни заведения (1878—1912) // Исторически преглед. 2000. №5—6. С.194, 196, 197.
- ¹⁸ Там же. С. 196, 197.
- ¹⁹ *Дудев Д.* Възпитаниците на Машинното училище, командировани в чужбина за следване [на] Военно-морско училище. В кн.: Юбилеен сборник за 50 годишната дейност на Морското училище 1881—1931 г. Варна: [Печатница на Морската учебна част]. С. 134, 135.
- ²⁰ Частное собрание документов С.А. Кюлджиева. Диплом с отличием К №846340/27.4.1957.
- ²¹ Там же. Диплом кандидата наук МТН №085294/7.9.1973.
- ²² ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 5. Служебен списък на Георги Ненов Ненов. Л. 562.

- ²³ Там же. Служебен списък на Георги Петров Буков. Л. 525.
- ²⁴ Общегерманский военный архив (ФРГ, г. Фрейбург). RM 27/1, 43. Kiel, 3.4.1918.
- ²⁵ ДВИА. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 5. Л. 545, 546.
- ²⁶ *Цонев М.* Дейци на Българското инженерно-архитектурно дружество 1893—1949. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2001. С.133.
- ²⁷ Частное собрание документов Г. Койчева. Удостоверение на финансов отдел при Министерството на Народната отбрана. №Л-603-Б/9.04.1956, София.
- ²⁸ ВММ. Осн. фонд, вх. №144-1977, инв. №866, сбирка VII, Д. 197. Военноотчетна книжка на офицера от запаса капитан I ранг Койчо Георгиев.
- ²⁹ Списък на техниците с висше образование, на които е разрешено до 1 октомврий 1935 г. право на свободна техническа практика в Царството съгласно чл. 40 от закона за Министерството на обществените сгради, пътищата и благоустройството. См.: Държавен вестник. №54. 10 март 1936. С. 839, 840.
- ³⁰ Там же. С. 835.
- ³¹ Частное собрание документов Г. Койчева. Удостоверение на Койчо Минчев Георгиев от Главна дирекция на благоустройството №641/2.2.1942.
- ³² Территориальный государственный архив (ТДА). Варна. Ф.3к. Оп.2. Д.2. Т.1 (1910—1927). Служебен списък на служителите в БТПД. Л. 269.
- ³³ Там же. Ф. 253к. Оп. 1. Д. 8. БИАД-Варна (1929—1930). Л.51.
- ³⁴ *Цонев М.* Ор. cit. С. 43.
- ³⁵ ТДА. Варна. Ф. 253к. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.
- ³⁶ *Цонев М.* Ор. cit. С. 38.
- ³⁷ Ibid. С. 133.
- ³⁸ ТДА. Руссе. Ф. 49к. Оп. 4. Д. 2. Протокол №1/11-16.7.1940 от заседание на управителния съвет на Българско Речно плаване. Л.1; Д. 3. Протокол №4/25-27.1.1941 от заседание на управителния съвет на Българско Речно плаване. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Д. 5. Протокол №4/16-17.7.1944 от заседание на управителния съвет на Българско Речно плаване. Л. 106; Д.6. Протокол №5/27-28.12.1944 от заседание на управителния съвет на Българско Речно плаване. Л. 1.
- ⁴⁰ *Алексиев И.* Ор.cit. С. 351.
-

доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ЖОЗЕФ ЖОФФР: ПУТЬ ОТ ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА ДО МАРШАЛА

Жозеф Жак Сезер (Сезар) Жоффри, будущий маршал Франции, родился 12 января 1852 года в небольшом городке Ривзальт в департаменте Восточные Пиренеи на юге Франции. Он был первым из одиннадцати детей в семье, занимавшейся производством винных бочек. В 1869 году Жозеф поступил в знаменитую парижскую Политехническую школу, выпускниками которой были многие известные французские учёные и политики. Полученное в этом высшем учебном заведении образование давало возможность выбрать различные сферы деятельности для дальнейшей карьеры, в том числе и военной. С наполеоновских времён одно из основных направлений работы школы стала подготовка офицеров, прежде всего инженеров и артиллеристов для французской армии. Свой первый опыт военной службы Ж. Жоффри получил во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг., на которую попал прямо из школы, не проучившись и года, и до конца боевых действий служил в артиллерии в чине младшего лейтенанта (*sous-lieutenant*). Окончив Политехническую школу, Ж. Жоффри решил остаться в армии и поступил в артиллерийскую школу в Фонтенбло.

После этого в течение почти десяти лет молодой офицер работал в качестве военного инженера, участвуя в строительстве и усилении различных фортификационных сооружений на территории Французской Республики и в различных частях французской колониальной империи. Военно-инженерное дело надолго стало его основной профессией: им Жоффри занимался в общей сложности около 35 лет службы. При этом нередко приходилось брать в руки и оружие. Так, на острове Формоза (современный Тайвань) и в Индокитае капитан Жоффри участвовал в боевых действиях, разгоревшихся в ходе Франко-китайской войны 1881—1885 гг. Результатами деятельности Жоффра командование осталось довольно, о чём свидетельствовало награждение его перед возвращением во Францию орденом Почётного легиона. Из Индокитая в 1888 году Жозеф Жоффри отправился в путешествие по миру, посетив Китай, Японию и Соединённые Штаты Америки.

Возвратившись в Париж, Ж. Жоффри отдыхал недолго. В 1892 году уже в звании майора он вновь отправляется на заморские территории, на этот раз в Африку, во Французский Судан (территория современного Мали). Там ему вновь приходится заниматься инженерной, и боевой работой, и даже некоторое время выполнять военно-административные обязанности. Его заслуги были замечены командованием, продвижение по служебной лестнице не прекращалось, и из Африки Жоффри возвратился полковником. Последним из его колониальных назначений стала служба под началом генерала Галлиени на Мадагаскаре, где Жоффри уже в звании бригадного генерала (1902 г.) руководил строительством оборонительных сооружений, призванных способствовать закреплению французского колониального контроля над островом.

Вскоре после возвращения во Францию генерал Жоффр меняет род занятий: ему поручают командование сначала бригадой, затем дивизией и, наконец, 2-м армейским корпусом, расквартированным в районе Амьена (1908 г.). К этому времени Ж. Жоффр уже имеет блестящий послужной список: он командор ордена Почётного легиона, один из самых молодых военачальников высшего звена, имеет богатый опыт службы на заморских территориях, прекрасно разбирается в военно-инженерном деле и вопросах снабжения, а также получил опыт командования боевыми частями и военно-административной работы, более года занимая в Военном министерстве пост начальника инженерного управления. Генерал Жоффр к тому же никак не связан с разворачивавшейся во Франции политической борьбой, поскольку служил вдалеке от метрополии. В частности, во время развития печально известного «дела Дрейфуса» Жоффр находился во Французском Судане. Так что с политической точки зрения он являлся, пожалуй, наиболее приемлемой для правительства фигурой. Этим, пожалуй, и объясняется новый этап в жизни генерала Жоффра. В марте 1910 года он стал членом Высшего военного совета страны (Conseil supérieur de Guerre) и принял активное участие в обсуждении стратегического плана ведения будущей войны. Летом 1911 года Жоффр назначается начальником генерального штаба французской армии — высший военный пост во Франции: в случае войны начальник генерального штаба становился главнокомандующим французской армией. Теперь генерал Жоффр отвечал за принятие множества важнейших решений, в том числе по стратегическим вопросам. Как считают некоторые исследователи, он не был готов к подобной ответственности, ведь опыт военного инженера не мог стать основой для выработки стратегии, тем более что от Жоффра требовали готовить армию к наступательным действиям, а не к обороне, как предполагалось ранее. По всей видимости, генерал Жоффр это вполне осознавал и поэтому назначил своим первым помощником выпускника Высшей военной школы (*Ecole Supérieure de guerre* — аналог нашей Академии Генерального штаба), участника Франко-прусской войны 1870—1871 гг., опытного военачальника генерала Эдуарда де Кастельно.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

АГАМИРОВА Мадина Назировна —

преподаватель истории городского центра детского и юношеского творчества (г.Нальчик, Кабардино-Балкарская республика)

Д.А. МИЛЮТИН И КАВКАЗ

Одной из проблем, волнующих историков, является проблема личности в истории и исторической значимости её действий. Без сомнения, примером беззаветного служения Родине является жизнь и деятельность замечательного государственного, военного мыслителя и практика Дмитрия Алексеевича Милютин (1816—1912).

Проведением военной реформы Милютин внёс большой вклад в развитие России XIX века. Неоценим и его вклад в скорейшее окончание Кавказской войны, на протяжении десятков лет являвшейся головной болью для империи.

Впервые на Кавказ Д.А.Милютин попал в 1839 году, будучи командированным в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-лейтенанта П.Х.Граббе.

К этому времени он был известен как учёный и писатель, написавший ряд научных работ по физике, математике, военным наукам и истории, среди которых наиболее заметный след оставил труд «Суворов как полководец» (1838), опубликованный в «Отечественных записках». В горах Кавказа Дмитрий Алексеевич приобрёл большой опыт боевых действий, приняв участие в разгроме аула Буртукай, осаде старого Ахульго, в покорении аула Черкел и в боях при Ахмет-Тала. В ходе одной из операций он был серьёзно ранен в плечо. Впоследствии за заслуги был награждён орденами. Его деятельность получила высокую оценку со стороны генерала П.Х.Граббе, который в письме к А.П.Ермолову писал: «...Милютин — один из самых отличных офицеров армии. С умом, украшенным положительными сведениями, он соединяет практичный взгляд и на одни военные предметы. К тому же примерной храбрости, благороднейших чувств, он был мне полезен и приятен...»¹.

Активно участвуя в боевых действиях, Д.А.Милютин занимался и теоретическими изысканиями. В записке «О положении на Кавказе», написанной в мае 1840 года, впервые формулируется его отношение к кавказской проблеме. Использование военной силы в качестве основного средства присоединения края и отсутствие чёткого плана действий он считал главной ошибкой политики России на Кавказе. В записке выдвигается идея проникновения в этот регион, а не его завоевание. Для этого «мы должны только стараться успокоить край и умы народов, войти в лучшее с ними отношение и силу оружия употреблять только в той степени, сколько это нужно для обеспечения спокойствия»².

В новой записке под названием «Мысль о различных образах действия на Кавказе» Д.А.Милютин констатирует, что со времени его последнего пребывания на Кавказе положение России здесь постоянно ухудшается, борьба с горцами стала труднее. Причину этого он видит по-прежнему в отсутствии целей борьбы и чёткой последовательности действий. Милютин считал реальным покорение территории до Кавказского хребта со стороны моря. «Дальше же горные племена... должны быть надолго оставлены на собственную их судьбу». Когда же русское влияние окрепнет, тогда и горские племена «успокоятся и почувствуют потребность в сближении... но это не может совершаться иначе, как столетиями»³. Для защиты рубежей России от набегов горцев Д.А.Милютин предлагал поселить на границе казаков, представляющих собой «сплочённую военную организацию». Недостатком казаков при этом он считал их «беспечность».

В очередной записке «Мысли о средствах утверждения русского владычества на Кавказе» Милютин рассматривает возможные способы покорения народов Кавказа. Автор записки считает, что горцы должны быть убеждены в «неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни», чтобы быть подданными империи. Необходима «благоразумная политика» и постепенные гражданские меры, которые важнее ряда блистательных военных побед. Отмечая особую значимость Кавказа для России, Милютин отмечает, что «от успокоения кавказских племён зависит не только благополучие закавказского края, но и всё будущее развитие политического и коммерческого выдвигания на восток»⁴.

В 1843 году подполковник Д.А. Милютин назначается на должность обер-квартирмейстера войск кавказской линии и Черноморья, но в начале 1845 года в связи с нездоровьем покидает Кавказ. Возвратившись в Петербург, он становится профессором Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной географии, а затем и военной статистики, разработчиком курса которой является сам. За эту работу Академия наук присудила ему Демидовскую премию.

Многое сделал Дмитрий Алексеевич и для внедрения принципов научного изучения военной истории. В 1853 году публикуется его обширный научный труд, классическое исследование об итальянском походе А.В.Суворова — «История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I». За эту работу Академия наук избрала Д.А.Милютина своим членом-корреспондентом, а в 1857 году Петербургский университет присвоил автору звание доктора русской истории.

В 1856 году, будучи в составе комиссии «для улучшения по военной части», Д.А.Милютин представил записку с планом реорганизации всей военной системы страны.

В том же году пост наместника и главнокомандующего Кавказской армии занимает князь А.И.Барятинский, который просит Милютина принять должность начальника Главного штаба. Так Дмитрий Алексеевич вновь оказывается на Кавказе, где он намеревается применить на практике свои идеи по преобразованию армии. Оба приступают к разработке плана окончательного разгрома Шамиля на основе милютинского доклада 1854 года⁵.

К этому времени успехи русских войск на Кавказе были весьма сомнительны. Несмотря на огромные людские ресурсы, задействованные в этом регионе, долговременных результатов достичь не удавалось. «Власть Шамиля прочно утвердилась в горах восточного Кавказа, а в западном почти все горское население было в руках Шамилева наместника — Магомет-Амина. Положение наше было таково, что для обеспечения спокойствия и безопасности в крае признавалось необходимым держать на Кавказе до 270 тыс. войска» — писал Милютин⁶. Практика карательных экспедиций не приносила ожидаемых плодов. Необходимы были кардинальные перемены в тактике действия войск.

А.И.Барятинский и Д.А.Милютин провели рациональную реорганизацию Кавказской армии: Кавказская линия была разделена на левое и правое крыло, территориальные командования получили уточнённые границы, все части стали располагаться таким образом, что у каждой был свой район сосредоточения, была выработана ясная и чёткая структура управления войсками. По мнению Барятинского, «продуманная система военных действий, искусное руководство войсками и перевод стрелковых подразделений на нарезное оружие свели наши потери в Кавказской войне до незначительного уровня. А сокращение потерь в сочетании с ведением маневренного боя, в свою очередь, стало одним из главных залогов нашей победы»⁷. Первая из названных причин должна быть поставлена в заслугу Милютина, чья роль в окончательном исходе войны явно недооценена.

Официальный историк Кавказской войны Р.А.Фадеев писал: «Генерал Милютин развил по идее главнокомандующего новую систему военного управления с такою полнотой и стройностью, которые надолго останутся памятником нынешнему кавказскому начальству»⁸. Ад.Берже отмечал, что именно он (Милютин) «сумел централизовать все самостоятельные действия отдельных начальников и направить их на исполнение одного общего плана покорения Кавказа, содействуя окончательному завоеванию края»⁹.

Непосредственный участник войны С.Эсадзе, основываясь на личных воспоминаниях и воспоминаниях других очевидцев, положительно оценивал заслуги Д.А.Милютина, считая, что во многом именно благодаря предложенному им плану русским войскам в очень короткий срок удалось занять Дагестан и Чечню¹⁰.

В этот период Милютин составил, по его словам, «собственно для товарищей» «Краткую записку о Кавказских делах и желательном образе действий в этом крае», где изложил сущность его тогдашних взглядов на кавказские дела. Он считает, что действующая система покорения горцев мало эффективна, так как не учитывает особенностей местности и образа жизни кавказских народов. Несмотря на необходимость присутствия войск в некоторых местах, следует принимать все меры, чтобы армия не была в тягость населению. «Ни в коем случае нельзя допускать насильственных контрибуций и разорения края».

Высказываясь о будущем гражданском устройстве кавказских народов, Милютин писал: «Одни уже имеют республику и управляются гражданскими старейшинами, другие — аристократию, полное феодальное устройство и сословную иерархию, и всё это надо учитывать, а не подводить разнообразные племена под одну общую схему».

Современники генерала отмечали широту его взглядов и разносторонность интересов. Будучи и военным историком, он приступил к сбору материалов для работы по истории Кавказской войны, но осуществить свои замыслы ему не удалось, поскольку надо было готовиться к военным действиям против Турции. Однако сохранились заметки, выписки и наброски для будущего труда, объединённые общим названием: «Материалы по истории Кавказа».

Вскоре новая тактика действий русских войск принесла плоды. В 1859 году князь А.И.Барятинский покорил имама Шамиля, а вместе с ним и восточную часть Кавказа. Главнокомандующий был осыпан почестями и наградами, а его начальник штаба награждён орденами, ему было присвоено звание генерал-адъютанта. В 1860 году Милютин назначается товарищем военного министра, а в 1861-м — военным министром.

Полученный им на Кавказе опыт лёг в основу военных реформ, проводившихся в России в 60—70-е годы XIX века. Министр исходил из принципа содержания в мирное время компактной армии, способной в условиях войны быстро развернуться на всю мощь. Реформы затронули все стороны военного дела и имели прогрессивное значение для создания боеспособной армии. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. подтвердила целесообразность и своевременность Милютинских реформ.

В 1881 году Дмитрий Алексеевич вышел в отставку, а в 1898 году в чине генерал-фельдмаршала стал членом Государственного совета. Жизнь свою он завершил в уединённых размышлениях, как отмечали современники, до последних дней сохранил ясность и живость ума. Свои разрозненные воспоминания он собрал под общим названием: «Мои старческие воспоминания», которые и сегодня являются ценным источником по истории России XIX века. Большую часть своего четырёхмиллионного состояния Милютин оставил в пользу армии, которой служил, богатую библиотеку — Военной академии, а имение в Крыму — обществу Красного Креста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Граббе П.Х. Из дневников и записок П.Х. Граббе // Русский архив. 1889. С. 205.

- ² Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф.Д.А.Милютин. № 169. К.8. Ед.хр.13. Л. 2, 3.
- ³ Там же. Л. 262.
- ⁴ Там же. К. 81. Ед.хр. 4. Л. 7об.
- ⁵ Акты Кавказской археологической комиссии (АКАК). Т.ХII. С.615—629.
- ⁶ Милютин Д.А. Воспоминания 1843—1856 гг. М., 2000. С.205.
- ⁷ АКАК. Т.ХII. С. 1275—1394.
- ⁸ Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны // Кавказская война. М., 2005. С.205.
- ⁹ Берже А. Русская старина. 1888. Т. 30. С. 337.
- ¹⁰ Эсадзе С. Штурм Гуниба. Тифлис, 1909.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Погорелов Евгений Васильевич —
руководитель Пензенского областного молодёжного военно-исторического клуба «Засека»
(г.Пенза)

«ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ» ПИСАТЕЛЯ ШИРОКОРАДА

Уважаемая редакция!

В «Военно-историческом журнале» №10 за 2007год были опубликованы две статьи под заголовком «"Неизвестные войны" историка Александра Широкограда». Целиком разделяю мнение авторов подполковника А.В.Лобанова и капитана 1ранга Е.Г.Мачикина о книге А.Б.Широкограда¹, но не могу согласиться с тем, что в названиях статей А.Б.Широкоград именуется историком. Так, статья А.В.Лобанова озаглавлена: «Псевдонаучное исследование военных действий в Северном Причерноморье»², а Е.Г.Мачикина — «Разбавленная анекдотами хроника с многочисленными ошибками и неточностями»³. Историк не может заниматься псевдонаукой и анекдотами. Творения А.Б.Широкограда — не что иное, как фальсификация истории.

Действительно, те войны, о которых пишет А.Б.Широкоград, не известны никому, кроме него самого и ему подобных фальсификаторов. В 1990-е годы, а также в начале 2000-х у нас появилось множество книг, искажающих историю России, особенно военную. К сожалению, это

продолжается и в наши дни. Недаром опус Широкограда вышел в год 60-летия Победы над фашистской Германией. Однако если попытки очернительства подвигов народов нашей страны в Великую Отечественную войну 1941—1945гг. находят достойный отпор, особенно на страницах «Военно-исторического журнала», то творения фальсификаторов, искажающих историю Средневековой Руси, порочащие героев русского народа, его славных полководцев, практически критике не подвергаются.

Конечно, «мёртвые бо срама не имут», как говорил великий воин Руси князь Киевский Святослав Игоревич. Но если не отвечать фальсификаторам истории, то и дальше будет распространяться историческая безграмотность и прямое искажение военной истории нашей страны.

А.Б.Широкоград занимается фальсификацией не только истории Великой Отечественной войны. В 2005году вышла ещё одна объёмистая, свыше 400страниц (с иллюстрациями), его книга — «Куликовская битва и рождение Московской Руси»⁴ в серии «Военные тайны России». Попробуем разобраться в этих «военных тайнах».

Итак, глава 1, озаглавленная «Кровавый ковыль Калки». Первая строка и первая дата: «В лето 6732(1227)...». Не будем рассуждать о переводе дат от сотворения мира на привычное летоисчисление от Рождества Христова — этому учат на первых курсах исторических факультетов, как и работе с источниками. Битва на Калке произошла в 1223году⁵. Кстати, вышедшую в том же издательстве годом ранее книгу известного советского историка В.В.Каргалова А.Б.Широкоград не использует, хотя в библиографическом списке его работы приводится другой труд этого автора⁶.

Далее А.Б.Широкоград проявляет поразительные познания в географии, утверждая, что «татарам удалось захватить проводников, которые указали им путь через Дарьяльское ущелье (современная Военно-Грузинская дорога). Татарское войско вышло к верховьям реки Кубани, в тыл к половцам»⁷. Но последние кочевали в степях, в Кавказских горах они не жили. Верховья Кубани находятся, естественно, в горах, реки из степи в горы не текут, потому что не могут. Следовательно, по Широкограду, татарское войско находилось в горах, в верховьях, то есть в начале реки Кубани. Достаточно взять любой более-менее подробный географический атлас, не являющийся «военной тайной», чтобы убедиться во всей нелепости утверждений Широкограда. По Дарьяльскому ущелью протекает Терек. Одну «военную тайну» мы уже узнали: по версии Широкограда — битва на Калке произошла не в 1223году, как принято считать, а на 4года позже, в 1227-м. Теперь ещё одна «тайна». С берегов Терека (заметим: с верховьев, из ущелья), то есть с гор, татарское войско опять попадает в горы, фактически проделав путь от Кавказа до Эльбруса⁸. Как это возможно для войска в 3 тумена (по Широкограду⁹), то есть в 30тыс. человек? Каждый всадник имел, как правило, две, а зачастую и больше, лошадей, причём на боевого коня пересаживались непосредственно перед сражением. Кроме этого, необходимы вьючные обозные лошади для перевозки юрт, палаток, котлов, продовольствия. Провести конное войско в несколько десятков тысяч лошадей по горам и горным лесам от верховьев Терека до верховьев Кубани невозможно. Достаточно почитать воспоминания участников Кавказской войны 1817—1864гг. Даже тогда по построенной русскими военными инженерами Военно-Грузинской дороге передвигались с большим трудом, а в верховьях Кубани дороги прокладывали, вырубая густые леса.

Далее А.Б.Широкоград пишет, что в верховьях Кубани произошло следующее: «При виде татар аланы попросту разбежались, а татарам достались отличные кони и продовольствие»¹⁰. Откуда взял это автор, неизвестно, видимо, очередная «военная тайна». Историк В.В.Каргалов, используя труд средневекового историка Рашид ад-Дина, даёт совершенно иную картину событий. Ни по

какому Дарьяльскому ущелью монголы не проходили: «Монгольское войско, не вступив в затяжную и сулившую мало успехов войну, покинуло Грузию и пошло дальше на север, к Дербенту». Так как беспрепятственный проход через Дербент, запиравший дорогу на север по побережью Каспийского моря, был невозможен, монгольские военачальники опять пустились на хитрость. Они послали послов к дербентскому Ширван-шаху с предложением: «Пришли несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Шах выделил для этой миссии десять старейшин. Одного монголы убили, а остальным сказали: «Если вы укажете дорогу через это ущелье, то мы пощадим вам жизнь, а если же нет, то вас так же убьём!» Из страха за свою жизнь старейшины указали тайный путь завоевателям. Монголы прорвались в земли Северного Кавказа»¹¹.

Так на самом деле монголы прошли через старейший город Дербент по удобной дороге, по которой ходили ещё гунны, хазары и арабы, а затем и войска Золотой Орды во время похода в Персию. Монгольское войско оказалось на степной равнине, а не в Приэльбрусье. Конечно же, никакой «военной тайны» в том, что Дербент находится на побережье Каспия, а не в Дарьяльском ущелье, нет, и ни у кого из историков никогда не возникало сомнения в том, что монголы попали на Северный Кавказ иным путём.

Далее, никогда при виде татар в 1223 году аланы «попросту» не разбежались. Снова обратимся к работе историка, а не к фантазиям Широкограда. «Аланские племена, населявшие эти места, призвали на помощь половцев и соотвеча с войском монголов; никто из них не остался победителем». Предстояла новая битва, исход которой трудно было предугадать. И снова монголам помогло коварство. Они предложили половецким вождям: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие. Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только представьте их (аланов) нам». Половецкие вожди согласились. Монголы действительно «прислали много добра» и «позволили им беспрепятственно уйти». Наутро «монголы одержали победу над аланами, совершив всё, что было в их силах по части убийства и грабежа». Однако половцы не успели воспользоваться монгольским золотом, полученным за предательство. Когда они, «полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям, монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше, что перед тем дали»¹². Как видим, ничего похожего на то, о чём пишет А.Б.Широкоград.

Много неточностей встречается и при описании событий, предшествующих нашествию монголов. Рассказывая о походе 1184 года Всеволода Большое Гнездо на Волжскую Булгарию, Широкоград упорно именуется речные суда русских лодками¹³. Речные, а также морские суда Древней Руси именовались лодьями, лодиями, ладьями, но никак не лодками. Маломерные гребные, иногда оснащённые парусом суда-лодки служили для рыбалки, охоты, перевозов небольшого числа людей, но не для длительных военных походов. Описывая осаду болгарского города Ошеля, А.Б.Широкоград пишет: «...князь Святослав послал вперёд отряд с зажжёнными факелами и топорами, а следом пошли стрельцы и копейники...»¹⁴. Заметим, что стрельцами именуется русскую пехоту, вооружённую ручным огнестрельным оружием, созданную Иваном Грозным. Стрелецкое войско было ликвидировано Петром I, но в составе гарнизонов стрельцы встречались ещё в начале XVIII века. Воинов, вооружённых луками, обычно называют лучниками, а воинов, имеющих на вооружении копьё — копейщиками, а не копейниками.

Не вдаваясь в дальнейший разбор многочисленных ошибок, неточностей и вымыслов, имеющих в рассматриваемой книге, необходимо отметить, что практически весь труд А.Б.Широкограда

основывается на лекциях профессора Казанского педагогического университета З.З.Мифтахова¹⁵. А.Б.Широкоград пишет: «Поскольку в этой книге я несколько раз использовал “Джагфар тарихи. Том1” (Оренбург, 1993), цитируя его по книге З.З.Мифтахова, стоит сказать несколько слов и об этом произведении¹⁶. Летопись Гази Бараджа была включена в свод болгарских летописей, составленный в 1680году по приказу вождя болгарского освободительного движения Сеида Джафара секретарём его канцелярии Бахим Иманом...»¹⁷.

Уже дата — 1680год и упоминание мифического болгарского освободительного движения сразу же дают повод сомневаться в какой-либо подлинности этой «летописи». В царствование Фёдора Алексеевича, старшего брата Петра Великого, волжских болгар уже не существовало несколько столетий, а на территории бывшей Волжской Булгарии благополучно проживали казанские татары, потомки переселенцев с юга. «В помощь болгарскому улусу от Крыма и Кубани были отправлены 100тысяч татар (огуз-кипчаки). Татары, которые пришли для подмоги, ассимилировали малочисленных болгар. В Волго-Уральском регионе стали жить обновлённые татары, включившие в свой состав болгар-мусульман»¹⁸.

Можно было бы и дальше перечислять явные несоответствия и неточности А.Б.Широкограда, но на это потребовалась бы целая книга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Широград А.Б. Битва за Чёрное море. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005.

² Воен.-истор. журнал. 2007. № 10. С. 3—6.

³ Там же. С. 7, 8.

⁴ Широград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. М.: Вече, 2005.

⁵ Битва на Калке упоминается под датой 1223 год во множестве работ, и приведение подробной библиографии займёт слишком много места. Ограничимся книгой: Каргалов В.В. Русь и кочевники. М.: Вече, 2004.

⁶ Широград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. С. 389.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ «Кубань... начинается на склонах Эльбруса». См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1991. С. 664.

⁹ Широград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. С. 6.

¹⁰ Там же.

¹¹ Каргалов В.В. Указ. соч. С. 81.

¹² Там же.

¹³ Неточности встречаются дважды. См.: Широград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. С. 11, 12.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ *Мифтахов З.З.* Курс лекций по истории татарского народа (1225—1552гг.). Казань, 2002. (Главным его источником послужила публикация так называемого перевода на русский язык «свода болгарских летописей Джагфар тарихи». Источник представляется более чем сомнительным, поскольку подлинного текста не существует. — Прим. редакции.)

¹⁶ На основе так называемой «болгарской летописи Гази Бараджа» А.Б.Ширококордом написаны страницы: 14—27, 37—52, 59—75, и т.д.

¹⁷ *Ширококорд А.Б.* Куликовская битва и рождение Московской Руси. С. 75.

¹⁸ *Гарипова Ф.Г.* Татарская гидронимия (Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии). Кн. 1. Академия наук Татарстана, Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ. Казань, 1998.

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

ОВЧИННИКОВ Владимир Дмитриевич —

начальник отдела Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук, капитан 1
ранга (Москва)

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ АДМИРАЛА Ф.Ф.УШАКОВА

В современных условиях становится очевидным, что одной из ключевых проблем российского общества в целом и Вооружённых сил в частности является духовно-нравственное обновление. Не случайно поэтому в отечественной исторической науке наметилось существенное повышение интереса к наследию наших выдающихся предшественников, в том числе к жизни и опыту известного флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова.

Говоря о системе воспитания Ф.Ф.Ушакова, один из видных современных военачальников отмечал: «Практическая деятельность Ф.Ф.Ушакова в области воспитания, так же как деятельность П.А.Румянцева и А.В.Суворова, отличались, прежде всего, тем, что не только у офицеров, но и у нижних чинов — «служителей» он стремился воспитать чувство собственного достоинства, профессиональное самолюбие, внушить им представления о воинской чести и воинском долге»¹.

В основу подготовки (воспитания) личного состава флота Ушаковым были положены важные принципы. Одним из основных, наиболее ярко отражающих национальную школу, являлся принцип патриотизма. На протяжении многих столетий он успешно реализовывался русским командованием, чему во многом способствовала устоявшаяся и принявшая силу традиции система воспитания подрастающего поколения и воинов в духе любви к Родине и необходимости

её вооружённой защиты от внешних врагов. Учёт данного принципа позволял преодолевать чувство самосохранения и страха смерти.

Принцип патриотизма занимал важное место в ушаковской системе обучения и воспитания. Окрепший духовно на патриотических традициях русского народа, он сам активно внедрял в практику воинского и нравственного воспитания подчинённых идеи патриотизма. При этом Фёдор Фёдорович в процессе воспитания сознательно не применял распространённый в армиях и на флотах стран Западной Европы принцип ненависти к врагу. Напротив, одной из характерных черт его флотоводческого наследия является гуманизм по отношению как к подчинённым, так и к поверженному неприятелю. В совокупности это существенно повышало мотивацию рядового и офицерского состава к воинскому служению, укрепляя его морально-боевой дух.

В какой-то степени созвучным с принципом патриотизма является принцип организации воспитательного процесса. Понимание органической связи между этими двумя составляющими, учёт их единства, что было присуще Ушакову, способствовало, с одной стороны (тактической) укреплять морально-боевой дух офицеров и матросов в учениях и сражениях, эффективно использовать различные в зависимости от обстановки приёмы обучения команд и применения оружия и технических средств, а с другой (стратегической) — определять способы и средства подготовки и ведения войны. Кроме того, постоянное совершенствование организационной структуры, усиленное патриотическим воспитанием, позволяло обладающему даром предвидения Ушакову выбирать оптимальные варианты распределения обязанностей в корабельных экипажах.

Все мероприятия, прежде всего связанные с подготовкой личного состава (отбор, боевая учёба и воспитательная работа) и средств вооружённой борьбы (кораблей и береговых объектов), реализовывались Ушаковым неукоснительно, с особым усердием и даже рвением. Можно смело утверждать, что принцип организации Ушаков воспринимал как свой личный принцип. Напряжённая боевая учеба, организовывавшаяся лично Ушаковым, освоение кораблей и боевой техники, несомненно способствовали развитию доверия личного состава флота к своим наставникам и укреплению веры в собственные силы.

Однако организационная работа при формализованных взаимоотношениях (начальник — подчинённый), способствовавшая подготовке личного состава к ведению боевых действий, не давала сама по себе гарантии успеха непосредственно в ходе боевых действий. Поэтому Ушаков большое значение придавал реализации принципа органической духовной связи в воинском коллективе. Именно в результате духовного общения, на основе православного вероучения отдельные служивые люди, расчёты и экипажи сплачивались в единый боевой коллектив с общей целью защиты Отечества и веры от «посягания иноплеменных». Образовавшееся на основе взаимопонимания доверие нижних чинов к начальникам, а начальников к подчинённым, к своим товарищам, к оружию, кораблю в конечном итоге и способствовало укреплению веры в свои силы.

Ярким доказательством реализации Ушаковым вышеуказанных принципов является его оценка степени доверия подчинённых и влияния этого доверия на решение поставленных флоту боевых задач. По этому поводу Фёдор Фёдорович с гордостью отмечал, что они, подчинённые, «словом моим бесспорно верят и надеются, а всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи»².

Реализация в том числе и данных принципов позволила Ушакову добиться успеха, к примеру, в сражении у о.Фидониси (1788г.). Тогда, в ходе Русско-турецкой войны 1787—1791гг., во время

которой он командовал сперва линейным кораблём «Святой Павел», а затем авангардом русской эскадры, он и получил признание во флотской среде как командир-воспитатель. Сам же он, скромный в самооценке человек, писал об этом так: «...Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такою сноровкою, казалось, что каждый учится стрелять по цели»³.

Основными направлениями воинского воспитания, по Ушакову, были поддержание высокого морально-боевого духа личного состава и укрепление воинской дисциплины. Первое вместе с тем являлось важной составной частью подготовки моряков к ведению боевых действий. Это направление Ф.Ф.Ушаков хотя и увязывал тесно с духовно-нравственным воспитанием, но в то же время рассматривал его и как самостоятельный способ воздействия на служивых. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Масорин В. Воспитание личного состава флота на этапе формирования и становления российской национальной военно-морской школы // Морской сборник. 2007. № 4. С. 21.

² Материалы для истории Русского флота. СПб., 1895. Ч.XV. С.167.

³ Там же. С. 166.

Панченко Анатолий Михайлович —

начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), полковник,

кандидат исторических наук, доцент (г.Новосибирск)

«УЧРЕЖДАЕТСЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ОФИЦЕРОВ В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ СЛУЖБЫ»

Исторический опыт свидетельствует, а действительность подтверждает, что одним из значимых условий для культурного развития военнослужащих является состояние военных библиотек. Изучение истории их возникновения и деятельности в России важно для сравнительного анализа и осмысления социальной роли библиотек как информационных и просветительских центров армии в современных условиях.

Первая офицерская библиотека была создана в 1810 году в лейб-гвардии Семёновском полку при командире полка полковнике К.А.Кридне¹. Она по праву «может считаться матерью и

прототипом всех библиотек отдельных войсковых частей»². Причиной её появления стало то, что «общество офицеров, отличавшееся постоянным стремлением к книжному самообразованию, в часы, свободные от служебных занятий, не могло удовлетворяться теми неудовлетворительными частными библиотеками, которые в то время были доступны публике, и решило устроить свою полковую библиотеку»³. Для первоначального основания библиотеки каждый офицер по своему выбору вносил несколько русских и французских книг. В результате к концу 1810года было пожертвовано более 1000книг, которые положили начало библиотеке. Первым её заведующим на общем собрании офицеров избрали полкового адъютанта штабс-капитана Н.М.Сипягина⁴.

Лейб-гвардии Семёновскому полку и её библиотекарю принадлежит первенство в составлении полковой истории. Ещё в 1808году штабс-капитан Н.М.Сипягин начал её составлять. Оказалось, что большая часть архивных дел находилась в Москве, другая — в Новгороде, а то, что имелось в полку, было в беспорядке. Имея в своём распоряжении лишь документы, находившиеся в Санкт-Петербурге, Н.М.Сипягин собрал их, рассортировал и составил «Описание лейб-гвардии Семёновского полка» — единственный памятник, сохранившийся со дня учреждения офицерской библиотеки и вошедший в обиход как «Таблица Сипягина»⁵. В неё вошли карта походов полка, некоторые образцы военного обмундирования, начиная со времён Петра Великого, хронологический перечень боевых подвигов, вопросы внутренней жизни, а также список командиров и всех известных лиц, служивших в полку⁶. В 1811году «Таблицу Сипягина» напечатали и представили российскому императору Александру I, который в знак благодарности назначил штабс-капитана Н.М.Сипягина к себе флигель-адъютантом.

Инициатива офицеров лейб-гвардии Семёновского полка по созданию своей библиотеки нашла поддержку со стороны Александра I. По его приказу управляющий квартирмейстерской частью генерал-адъютант князь П.М.Волконский доставил в библиотеку полное собрание лучших топографических карт. 23июня 1811года Александр I первый раз удостоил её своим посещением. Во время визита он подарил библиотеке несколько редких по изданию карт, планов и 50сочинений лучших иностранных авторов. Александр I и в дальнейшем внимательно наблюдал за новым для войск учреждением и лично занимался популяризацией его деятельности.

Обязательным отделом библиотеки с первых дней её существования стали периодические издания. В первое десятилетие офицеры Семёновского полка выписывали для библиотеки «Санкт-Петербургские Академические Ведомости», «Северную Пчелу», «Сенаторские Ведомости и Объявления», «Русского Инвалида», «Journal des Debats», «Journal de Francfort», «Korrespondent von Hamburg», «Вестник Европы» и др. В 1820году к этим изданиям прибавились «Московские Ведомости», «Constitutionnel», «Соревнователь Просвещения», «Благонамеренный», «Невский зритель».

В октябре того же года в лейб-гвардии Семёновском полку из-за бесчеловечного обращения с солдатами со стороны его командира полковника Ф.Е.Шварца вспыхнуло восстание. Расформирование полка лишило библиотеку её основателей и хозяев. Полковой казначей штабс-капитан В.И.Рачинский в ноябре 1820года передал библиотеку вместе с остальным полковым и офицерским имуществом сначала генерал-майору П.Ф.Желтухину, а затем вновь назначенному полковым командиром генерал-майору И.Ф.Удому.

С 1820 по 1850год книгохранилище увеличилось на 1360книг⁷.

10января 1811года по инициативе А.-Г.-В.Жомини образовалась библиотека лейб-гвардии Преображенского полка. Однако днём её создания принято считать 1октября 1811года, так как этой датой был помечен список её основателей с указанием числа пожертвованных книг и денег.

АлександрI пожертвовал на первоначальное обустройство этой библиотеки 5000рублей. В именном списке всех офицеров и подпрапорщиков полка, принявших участие в основании библиотеки, его имя стояло первым. В этом списке 76офицеров, 6портупей-прапорщиков и 21подпрапорщик. В дошедшем до нас списке первых учредителей библиотеки лейб-гвардии Преображенского полка есть имена декабриста И.В.Поджио, члена «Союза Благоденствия» С.П.Шипова и известного драматурга, друга А.С.Грибоедова и А.С.Пушкина — П.А.Катенина⁸. Фонд библиотеки пополнялся их личными книжными собраниями. Командир полка полковник барон Е.В.Дризен и офицеры пожертвовали 1110томов книг и 4460рублей ассигнациями. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Богданович М.И.* История царствования императора АлександраI и Россия в его время. СПб., 1871. Т. 4. С. 241, 242; Гвардия // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 7. С. 201—204; *ДиринП.П.* История лейб-гвардии Семёновского полка. 1683—1883гг. СПб., 1883. Т. 2. С. 8.

² Систематический каталог библиотеки лейб-гвардии Семёновского полка. Составлен заведующим библиотекою флигель-адъютантом капитаном Поповым 2-м. СПб., 1881. С. 1.

³ *Дирин П.П.* Указ. соч. С. 8.

⁴ Сипягин Николай Мартемьянович (1785—1828) — родился в Костромской губернии. С 1800г. — в лейб-гвардии Семёновском полку. В составе полка участвовал во всех войнах против Наполеона. Впоследствии — начальник штаба Отдельного гвардейского корпуса (1815), начальник 6-й пехотной дивизии (1819—1826), начальник Сводной дивизии 5-го пехотного корпуса, тифлисский военный губернатор, генерал-лейтенант, генерал-адъютант; *ПанченкоА.М.* Первый полковой библиотекарь лейб-гвардии Семёновского полка // Библиотекосведение. 2006. №5. С.108—115.

⁵ *Дирин П.П.* Указ. соч. С. 44, 45.

⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 52. Оп. 110/53. Д. 1. Л. 1.

⁷ Систематический каталог библиотеки лейб-гвардии Семёновского полка. Две части. Составил заведующий библиотекою полковник Мин. СПб., 1903. Ч. 1. С. V.

⁸ Систематический каталог библиотеки лейб-гвардии Преображенского полка и описание достопримечательных вещей, хранящихся в библиотеке, арсенале и офицерском собрании, составленное в 1881г. капитаном А.А.Адлерберг и дополненное в 1886г. подпоручиком графом Татищевым. СПб., 1886. С. IX, X; *ЧичеринаА.К., ДолговС.Н., АфанасьевА.Н.* История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883. В 4т. Т.4. Приложения и список генералам, штаб- и обер-офицерам, служившим и числившимся в лейб-гвардии Преображенском полку. СПб., 1883. С. 132,

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

МАКАРОВА Наталья Владимировна —

доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Института сервиса, филиала Российского государственного университета туризма и сервиса, кандидат исторических наук (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНДАРМСКОГО КОРПУСА В РОССИИ

Этимология слова «жандарм» имеет французские корни и в переводе означает «вооружённый всадник». Жандармские отряды впервые появились в XV веке во Франции. Вскоре такие отряды стали возникать и в других западноевропейских странах. Отряды вооружённых всадников в Европе наблюдали за сохранением порядка в армиях и внутри государств. Постепенно слово «жандарм» стало означать особый род государственной полиции, пешей и конной, имеющей военную организацию.

Вопрос о формировании жандармского корпуса в России не получил достаточного освещения в литературе, несмотря на наличие ряда работ, специально посвящённых органам политического сыска¹. Как был создан корпус жандармов, ставший одним из символов монархической власти? Кто были первые российские жандармы и что входило в их функции? Каковы были меры поощрения и наказания жандармских офицеров? На эти и подобные вопросы мы находим ответы, обратившись к фондам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Впервые жандармы появились в России в 1792 году в составе гатчинских войск цесаревича Павла Петровича. Позднее, в 1815 году во время Заграничных походов русской армии сформировались отдельные жандармские отряды в войсках, в обязанности которых входило наблюдение за порядком на марше, поиски мародёров, транспортировка раненых и т.п. С образованием Министерства полиции во главе с А.Д.Балашовым (1810) эти жандармские формирования передали в ведение данного ведомства, но действовали они изолированно и подчинялись Министерству внутренних дел. Их основная функция в этот период сводилась к конвоированию заключённых. В 1817 году были учреждены «жандармы внутренней стражи», образовавшие в столицах жандармские дивизионы. Несовершенство структуры созданных при Александре I жандармских органов приводило к тому, что аппаратом подавления народных бунтов и различных «неповиновений» являлась регулярная армия.

Только при Николае I с созданием III отделения Собственной его императорского величества канцелярии жандармские формирования были переданы в ведение начальника этого отделения,

который назначался одновременно шефом жандармов, и деятельность жандармских корпусов была упорядочена.

Указом Николая I от 1827 года жандармские формирования были объединены в специальный корпус и переданы в штат III отделения. Жандармы стали силовой структурой российской политической полиции. К 1836 году был сформирован Отдельный жандармский корпус, состоявший из 4000 человек. Его возглавлял главный начальник — шеф жандармов. При корпусе имелся штаб, который при первом шефе жандармов Александр Христофорович Бенкендорфе возглавлял Леонтий Васильевич Дубельт.

Жандармские команды занимались облавами, обысками, арестами, содержанием под стражей, конвоированием опасных государственных преступников, усмирением бунтов местного крестьянского населения и т.п. Все дороги Российской империи были оборудованы пунктами Особой экспедиции для размещения жандармских частей.

В 1839 году должность начальника штаба корпуса жандармов совместили с должностью управляющего III отделением. Но только к 1842 году все жандармские части окончательно слились в одну структуру.

Первоначально Российская империя была разделена на 5, а позднее на 8 жандармских округов. Во главе каждого округа стоял жандармский генерал. Округа распадались на отделения, каждое из которых ведало двумя-тремя губерниями. Начальниками отделений назначались жандармские штаб-офицеры, в обязанности которых входило наблюдение за вверенной им губернией и сообщение о происшествиях своему окружному генералу, который в свою очередь докладывал начальнику штаба или лично шефу жандармов.

По архивным материалам ГА РФ можно проследить, как формировался корпус жандармов и насколько престижным считалось служение в жандармских частях в правление императора Николая I. Известно, что А.Х.Бенкендорф тщательно подбирал штаты и сам придумал голубой цвет формы жандармского офицера.

Дела архивных фондов ГА РФ показывают, что военное сословие России, состоявшее из дворян, стремилось в жандармские части. Во-первых, эта служба предполагала хорошее жалованье, а во-вторых, часть дворянства считала такую службу личным служением государю, а потому достаточно престижной. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Столетие Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1912; *Хлобустов О.М.* Госбезопасность от Александра I до Путина. 200 лет тайной войны. М., 2005; *Линдер И.Б., Чиркин С.А.* История спецслужб России (X—XX века). М., 2005; *Симбирцев И.* Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи 1826—1880. М., 2006.

ЛЕЩЁВ Евгений Николаевич —

начальник кафедры Московского пограничного института ФСБ России, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

К ВОПРОСУ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТАЙНОЙ АГЕНТУРЫ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ ПОД ВЕДЕНИЕМ ЧИНОВ МВД

Национальные интересы России в пограничной сфере заключаются в создании политических, правовых, организационных и других условий для обеспечения надёжной охраны государственной границы Российской Федерации, в соблюдении установленных российским законодательством порядка и правил осуществления экономической и иных видов деятельности в пограничном пространстве страны¹.

Включение Пограничной службы в состав ФСБ России и переход к построению охраны государственной границы преимущественно оперативными силами, средствами и методами — не интуитивное побуждение и вытекающий из него метод «проб и ошибок», а научно разработанная концепция формирования современной системы обеспечения интересов России в пограничной сфере.

Основываясь исключительно на архивных источниках, постараемся ответить на вопрос: охрана Государственной границы РФ преимущественно оперативными силами, средствами и методами — это новое или хорошо забытое старое и эффективно ли оно?

В начале XX века усиление контрабандного промысла, нехватка личного состава, малая плотность охраны границы и как следствие — низкая эффективность действия по пресечению контрабанды заставляло руководство округов Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) помимо войсковой разведки, которую осуществляли все пограничные наряды при несении службы, создавать собственную разведывательную службу. Она организовывалась начальниками округов и велась в пограничной зоне в тесном контакте с представителями Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). Руководили разведкой командиры бригад, а непосредственно её вели командиры отделов, отрядов, старшие вахмистры и помощники начальников постов. Основной упор в разведывательной службе делался на агентурную сеть.

Также начальники пограничной стражи бригадного уровня и выше должны были «изыскивать... возможность через поддержание дружественных отношений с правительственными лицами соседних государств получать от них частным путём разные сведения, а в крайних случаях и содействие для преследования нарушителей границы...»².

Циркулярами отмечалось, что «безуспешность действий чинов в преследовании контрабанды объясняется между прочим неумением отличать правильные доносы от доносов, сделанных для

отвода глаз... На приобретение хороших благонадёжных доносителей труда и даже денежные средства никогда не пропадут даром и при достаточной энергии всегда вознаграждаются с избытком»³.

В связи с этим по инициативе Министерства финансов в 1913 году была создана межведомственная комиссия по выработке основных начал организации агентурного дела в ОКПС, а в 1914 году Государственная дума приняла инструкцию «Об организации в ОКПС агентуры для разведки о контрабанде и об отпуске средств на эту надобность». Однако даже после окончания работы межведомственной комиссии и до утверждения выработанного ею документа со стороны МВД предпринимались попытки подчинить создаваемую агентурную сеть пограничников под ведение чинов Департамента полиции (см. Приложение).

Руководство ОКПС хорошо представляло, что охрана государственной границы Российской империи эффективна лишь в том случае, когда сильна сторожевая служба с активным привлечением агентурных сил, средств и методов. Ведомству, осуществлявшему охрану границы, необходимо было иметь свою агентуру, но при этом всесторонне учитывая оперативную информацию, поступавшую и от других ведомств, участвующих в охране границы в политическом, экономическом и других отношениях. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года «Об утверждении концепции национальной безопасности Российской Федерации».

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 360. Л. 24, 25.

³ Центральный пограничный музей. Научный фонд. Д. 474. Л. 7.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*ЗАХАРЧЕНКО Николай Михайлович —
полковник в отставке, историк (Москва)*

КОМАНДИР ЧАПАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ

В марте 1919 года В.И. Чапаев принял командование над 25-й стрелковой дивизией, внёсшей большой вклад в успешный исход ряда операций Красной армии на Восточном фронте. 5 сентября 1919 года белогвардейцы напали на штаб дивизии в Лбищенске. Чапаев был ранен, утонул, пытаясь переплыть реку Урал. После В.И. Чапаева прославленной дивизией командовали многие военачальники. Ей было присвоено имя В.И. Чапаева, за боевые заслуги в Гражданской войне она была награждена Почётным революционным Красным знаменем (1928) и орденом Ленина (1933). В сентябре 1939 года дивизии довелось участвовать в польском походе в составе войск Украинского фронта, в июне—июле 1940 года — в бессарабском в составе войск Южного фронта, с началом Великой Отечественной войны дивизия участвовала в обороне Одессы и Севастополя, где и закончился её боевой путь. Официально расформирована 30 июля 1942 года. В первые трагические дни войны дивизией командовал полковник А.С. Захарченко, малоизвестный труженик войны. О нём и пойдёт речь в предлагаемой вниманию читателей публикации.

Родился Афанасий Степанович Захарченко 7 июля 1898 года в большой крестьянской семье на Украине, в селе Богдановка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (ныне Шосткинский район Сумской области). Семья жила трудно. С тринадцати лет, как только окончил Богдановскую земскую школу, Афанасий уже работал.

На срочную службу парня призвали уже после Февральской революции и определили в 272-й запасной полк в г. Новочеркасске, а в сентябре того же года он отправился на фронт в составе 75-го Севастопольского полка. После Октябрьской революции полк по сути дела самораспустился, в декабре Афанасий вернулся в свою Богдановку, а в феврале вступил в только что сформированный партизанский отряд бывшего подпоручика Н.А. Щорса, который вёл бои с германскими оккупантами.

В сентябре 1918 года в районе Унечи Щорс сформировал 1-й Украинский советский полк имени Богуна, с ноября он возглавил 2-ю бригаду 1-й Украинской советской дивизии. Захарченко вскоре стал командиром взвода, а затем и роты. Щорсу нравился физически крепкий, толковый и сметливый, а главное — грамотный парень, и он определил его в созданную при дивизии школу младших командиров, хотя Захарченко по сути таковым уже являлся. Тем не менее Афанасий Степанович учился прилежно, после окончания школы остался в ней в качестве курсового командира. Время было такое, что практику приходилось постигать не на учебном полигоне, а в реальных боях.

Боевой опыт помогает Захарченко продвигаться по служебной лестнице: в мае 1920 года он уже командует батальоном, исполняет обязанности командира полка. Вроде бы всё складывается хорошо, но Афанасий понимает: чтобы соответствовать должности красного командира, нужны основательные военно-теоретические знания. И он пишет рапорт о направлении его на учёбу в Московскую высшую военно-педагогическую школу, одно из лучших в ту пору военно-учебных заведений, дававшее как военное, так и гуманитарное образование.

В августе 1924 года он окончил школу и был назначен на должность начальника строевой части Украинской высшей военно-педагогической школы, в которой служил вплоть до поступления в октябре 1927 года в Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе. Кстати, в аттестации в его личном деле записано: «Слушатель академии Захарченко А.С. легко разбирается в обстановке, решения принимает быстро. Одарён большой волей»¹.

Окончив академию, А.С. Захарченко сначала служил в штабе Украинского военного округа, затем начальником штаба дивизии, в ноябре 1935 года получил звание полковник, а с сентября

следующего года командовал 44-м отдельным полком. Лучше бы этого назначения не было. Бдительные особые органы НКВД усмотрели в одном из офицеров штаба полка троцкиста (с троцкистами велась тогда непримиримая и даже кровавая борьба). В августе 1937года Захарченко с формулировкой «за притупление политической бдительности» исключается из партии, понижается в должности, а в июле 1938-го его увольняют из армии, затем арестовывают. Это уже пропасть, из которой мало кому удавалось выбраться. Захарченко удалось. Недаром в аттестации отмечалось, что он одарён большой волей. В течение года велось следствие, но как ни старались дотошные следователи разоблачить очередного «врага народа», Захарченко ни в чём виновным себя не признал и 17августа 1939года был освобождён, затем восстановлен в РККА, в партии и направлен преподавателем в воссозданную Академию Генерального штаба РККА. Однако по ходатайству военного совета образованного 11октября 1939года Одесского военного округа (ОдВО) был отозван из академии и в ноябре 1939года занял должность начальника 2-го отдела, а позже — начальника отдела боевой подготовки штаба округа. Сохранился интересный документ того периода.

«АТТЕСТАЦИЯ»

за период с 1937 по 2 ноября 1940 г.

Начальник отдела боевой подготовки О[д]ВО

полковник Захарченко А.С.

Вполне заслуживает назначения на должность командира стрелковой дивизии. В военное время подлежит использованию в должности командира стрелковой дивизии. Достоин присвоения воинского звания генерал-майор.

Командующий войсками О[д]ВО генерал-лейтенант [Я.Т.]Черевиченко.

Член Военного совета корпусной комиссар [А.Ф.] Колобяков.

2 ноября 1940г.

“УТВЕРЖДАЮ”

Заместитель народного комиссара обороны СССР Маршал Советского Союза [С.М.] БУДЁННЫЙ.

5 марта 1941г.».

14 марта 1941года нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко по представлению командования ОдВО назначил полковника А.С.Захарченко командиром 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, входившей в состав 14-го стрелкового корпуса. Дивизия, укомплектованная по штату военного времени, состояла из трёх стрелковых полков (сп): 31-го Пугачёвского им.Фурманова; 54-го им.Разина; 263-го Домашевского им.Фрунзе; 69-го арtpолка;

99-го гаубичного полка; 164-го дивизиона противотанковых орудий; 105-го отдельного сапёрного батальона; 52-го отдельного батальона связи; 193-й зенитной батареи; 756-го миномётного дивизиона; 89-го автобата; 80-го отдельного разведбата; 47-го медико-санитарного батальона; 46-й отдельной роты химзащиты и других подразделений обеспечения.

Перед Великой Отечественной войной дивизия дислоцировалась на самом юго-западе Украины, на территории Измаильской (ныне Одесской) области, граничащей с Румынией. Штаб дивизии вместе с 263сп располагался в г.Болграде; в пос.Рени на берегу Дуная стоял 31сп, в г.Кагуле — 54сп. В такой дислокации дивизию застала война. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО РФ). Ф.1100. Аттестация. Личное дело №641045.

² Там же.

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Павлов Александр Петрович —

полковник в отставке (пос.Колпна Орловской обл.)

ВООРУЖЕНЦЫ 14-Й ГВАРДЕЙСКОЙ

Прибыв к болгарам, мы вошли в типовую двухэтажную казарму. В ружкомнате меня удивили пирамиды для оружия, изготовленные в отличие от наших не из досок и фанеры, а из мебельной гарнитуры, наподобие платяных полированных шкафов.

— Пирамиды мы заказываем на мебельной фабрике, — пояснил генерал Попов.

Утром на выделенном нам уазике, за рулём которого находился опытный местный водитель, хорошо знавший дороги и болгарские достопримечательности, мы совершили продолжительную экскурсионную поездку.

На следующий день предстояли уже сборы в обратный путь и прощальный обед, который болгарские товарищи устроили в поле, накрыв столы прямо на командном пункте, под масксетями.

Отыскав табличку со своей фамилией, я занял свое место за столом рядом с начальником службы ракетно-артиллерийского вооружения болгарской армии генералом Халковым, то есть своим коллегой.

— Как вы разгружаете наши корабли с боеприпасами в Бургасе? — задал я давно интересовавший меня вопрос.

Дело в том, что им меня постоянно мучил в свое время генерал Минасянц на каждом учении. Но что я мог тогда, старший офицер отдела боеприпасов, ему ответить? Я знал, что из Одессы в Бургас боеприпасы мы отправляем морем сухогрузами типа «Бежица», и однажды даже тщательно осмотрел такое судно, поднявшись на его борт в морском порту. Но каким образом ведётся разгрузка судна в Болгарии, до сих пор для меня оставалось загадкой.

— Разгружаем очень просто, — ответил Халков. — Создана специальная разгрузочная команда с соответствующей техникой...

И он стал подробно обрисовывать все детали процесса.

Обратный путь после учений нам предстояло преодолеть своим ходом за двое суток, причём совершив длительный марш от Гарнеево до Кишинёва с форсированием Дуная. Как и было запланировано, наша колонна прошла по маршруту Стралджа, Карнобат, Айтос, Бургас, Оряхово, Варна, Толбухин, Тошево. В последнем населённом пункте нас ожидал большой привал до 16.00. Здесь заканчивалась Болгария и начиналась Румыния, а движение нашей колонны по её территории разрешалось только в ночное время. Теперь наш маршрут пролегал через Констанцу, Хрышову, Цендереи, Бреилу, Галац. К восьми утра подошли к границе с Молдавией.

Тяжёлый ночной марш утомил всех, особенно монотонное движение измотало водителей. Мы нуждались в отдыхе, но сначала нужно было переправиться через Дунай и сосредоточиться на противоположном берегу, в Рении, где был назначен ещё один большой привал.

Там нас уже ждали, и всё было приготовлено для отдыха: развёрнуты большие палатки с раскладушками, заправленными свежим постельным бельём; парком исходил завтрак у празднично накрытого стола... Хорошо дома!

После отдыха и дозаправки в Рении двинулись через Вулканешты, Болград, Комрат и Чимишлию. Наконец благополучно достигли Кишинёва, и на этом учения «Балканы-79» для нас полностью завершилось. На память об этих учениях у меня хранятся большой именной фотоальбом и юбилейная медаль «40 години от победата над хитлерафашизма», которую мне вручили позже от имени народного правительства Болгарии.

Даже после таких напряженных учений времени на отдых и на раскочку отвели, что называется, в обрез: предстояло подтянуть текущие дела, которых накопилось предостаточно. Прежде всего — это замена запаса оперативно-тактических ракет 8К14 в подвижной ракетно-технической базе (ПРТБ). Операция крайне ответственная и довольно сложная, связанная со скрытым маршем на выгрузочную железнодорожную станцию и проведением трудоёмких погрузочно-разгрузочных работ с ракетами в ночное время. Особая сложность заключалась в том, чтобы за ночь, соблюдая

режим маскировки, успеть выгрузить из спецвагонов прибывшие новые ракеты, затем в эти же вагоны загрузить старый боезапас и совершить обратный марш. Для контроля и помощи за проведением этой операции из второго отдела службы РАВ округа приехал опытный специалист-ракетчик подполковник Иванов, мой бывший сослуживец ещё по Германии. Стояла середина августа с ещё довольно короткими ночами, и при планировании операции мы с Ивановым были связаны по рукам фактором тёмного времени: ведь выезжать из городка и возвращаться в него засветло воспрещалось. Помимо того сдерживало ограничение в скорости, которую для транспорта с ракетами установили 30 км/ч и никак не больше. Соблюдая все эти условия, прибыли мы на станцию где-то в одиннадцать вечера и сразу приступили к работе.

А здесь — тоже свои особенности. Ракета, при всей своей грозности, представляет собой хрупкое, нежное изделие, требующее бережного и аккуратного обращения, что налагает на расчёт повышенную ответственность, сопряжённую с соблюдением чрезмерной осторожности при погрузочных работах. Так что сам собой возникает дефицит времени, исключаяющий даже намёк на спешку.

Нужно сказать, что личный состав расчётов, да и командир парковой батареи капитан Шапков, показывали хорошую выучку, тем не менее сумели закончить погрузку лишь с началом рассвета. А ведь предстоял ещё обратный марш. Что делать? Собственно, выбор небольшой: либо нарушить режим маскировки, либо — режим скорости. Пришлось прибегнуть к срединному варианту: немного увеличить скорость, прихватив чуть-чуть светлого времени. Когда последняя грунтовая тележка, гружёная ракетами, втянулась на техническую территорию, было уже около шести часов утра. Тогда мы решили дать отдых личному составу, а к размещению ракет в хранилищах и их обслуживанию приступить на следующий день. Это уже можно было сделать без спешки и в спокойной обстановке.

Как ни старались, как ни были удовлетворены итогами, а казус всё же произошёл, хотя и не по нашей вине.

Случилось вот что. Поскольку о завершении операции нужно доложить командарму, я, войдя в систему секретной автоматической связи, попросил телефонистку соединить меня с командующим.

— Да, — сразу ответил голос в трубке.

Я представился и доложил о благополучном завершении операции с заменой боезапаса ракет. Но вскоре выяснилось, что телефонистка, услышав слово «командующий», подключила меня не к армейской, а к окружной линии.

Командующий войсками округа генерал-полковник Волошин, молча выслушав мой доклад, никаких вопросов не задал. Но зато потом командарм генерал-лейтенант Востров сделал мне внушение:

— Почему не доложил о завершении операции?

17 августа состоялось очередное заседание военного совета армии, где прозвучали серьезные упрёки, причём вполне уместные, к нашей службе РАВ: занятия по изучению вооружения проводятся крайне редко, технические кружки не работают, командиры не умеют делать расчёты потребности боеприпасов, приборы ночного видения не используются...

Что тут скажешь? Лично сам я за истекшее время не провёл в войсках ни одного занятия по изучению вооружения, не считая занятий на различных сборах, а если бы меня, к примеру, спросили фамилии лучшего атрмастера или радиоэлектронщика, то я бы не ответил. Что же касается умения командиров делать расчёт потребности боеприпасов, то, на мой взгляд, это вечная проблема. Во-первых, командиры не любят этим заниматься, и если что-то там иногда рассчитывают, то только по принуждению. Во-вторых, утвердилось мнение, что расход боеприпасов, в конечном счёте, вершится по потребности...

В плане боевой подготовки в сентябре значилось армейское командно-штабное учение по теме: «Ведение армейской наступательной операции с прорывом укрепленного района и форсированием водной преграды». Чтобы оно прошло с максимальной пользой, его нужно было тщательно и скрупулёзно готовить. Так, помимо отработки рабочей карты и необходимых расчётов по службе РАВ нужно подготовить для командарма различный справочный материал, разработать методичку расчёта потребности боеприпасов для различных командиров. Что касается ракетно-технических частей, то в ходе учения необходимо отработать самое слабое звено — управление ими в ходе операции.

Во время подготовки к учению в службе произошли крайне нежелательные кадровые изменения: подполковник Сучков уехал в Одессу на другую должность, из-за чего мы лишились опытного, волевого, высокопрофессионального вооруженца. Вместо него пришел полковник Смирнов. Он, бывший ракетчик, был советником в одной из жарких стран. Как человек — замечательный, как специалист — не имевший опыта службы в армейском аппарате. Так что при подготовке к учению ему придётся особенно нелегко, и нам надо будет помогать, подстраховывать его...

Учение началось, как водится, с подъёма по тревоге, проверки оповещения и вопросов мобготовности с последующим выходом в поле. На втором этапе разыгрывались варианты боевых действий и решались различные вводные. В разгаре учения, после того как, совершив марш, мы развернулись на Тарутинском полигоне, мне пришлось решать «вводную» личного порядка: оперативный дежурный доложил командарму, что звонила Павлова Светлана Яковлевна и сообщила, что вылетает очередным рейсом из Симферополя к мужу в Кишинёв...

Что ты будешь делать? Моя Светлана, руководствуясь чисто женской логикой, решила посетить Кишинёв, не согласовав заблаговременно со мной своё желание.

— Ну что ж, — рассуждал не без иронии командарм, выслушав доклад оперативного дежурного.

— Учение из-за этого останавливать не будем, но пошлите машину с офицером, чтобы встретил супругу нашего главного вооруженца и разместил её в гостинице...

Другой на месте генерал-лейтенанта Вострова не только не стал бы заниматься этим вопросом, но ещё и отругал бы «невиновного виновника». Но Владимир Андреевич, человечный человек, отдал распоряжение, глубоко тронувшее меня.

Между тем до окончания учения оставалось ещё двое суток, и всё это время жена сидела в гостинице, ожидая меня. По окончании мероприятия командарм и начальники родов войск и служб улетели в Кишинёв на вертолёте, мне же было приказано сопровождать колонну штабных машин и заодно проследить возвращение в пункты постоянной дислокации ракетно-технических частей. Поэтому в Кишинёв я возвратился только поздно вечером в пятницу...

В понедельник, проведив жену, я вылетел в Ленинград на сбор начальников служб РАВ округов, армий и корпусов, проводившийся начальником Главного ракетно-артиллерийского управления.

К этому мероприятию у меня трепетное отношение: оно позволяет узнать и объективную оценку работы вооруженцев, и много нового и полезного. На таких сборах делается установка и ставятся очередные задачи, представляется возможность пообщаться с высшим руководством службы и своими коллегами.

Мероприятие проходило на инженерном факультете Артиллерийской академии. Еще издали я с волнением рассматривал старинное здание на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского, куда ровно 26 лет назад вошёл юношей. Правда, тогда это заведение называлось иначе — Ленинградское артиллерийско-техническое училище.

Участники сбора собрались в одной из аудиторий. Выступивший с вступительным словом начальник Организационно-планового управления ГРАУ генерал Н.Д. Ходан довёл до нас содержание приказа министра обороны о введении в Советской армии института заместителей командиров по вооружению. В соответствии с документом служба РАВ, особенно в войсковом звене, низводилась, так уж получалось, почти до нуля, лишаясь не только независимости, но и немногих остатков автономности в своей работе. Об этом свидетельствовали также вывешенные для обозрения плакат и схема организации ракетно-технического (РТО) и артиллерийско-технического (АТО) обеспечения по новому приказу.

Не радовала и вновь вводимая генеральская должность заместителя командующего армией по вооружению: во-первых, у него не имелось ни транспорта, ни средств связи, он не располагал какими-либо персональными материальными возможностями; во-вторых, как скоро показала жизнь, эта должность практически повсеместно занималась танкистами, а вооруженцам доставались «писарские должности» в лучшем случае, да и то не везде, а точнее — они становились начальниками штабов в управлении вооружения... Генерал Ходан, закончив свой доклад, остался возле кафедры в ожидании вопросов, но в аудитории стояла мёртвая тишина. Мы, вооруженцы, были потрясены услышанным: вместо ожидаемых улучшений наша служба получила тяжелейший удар; понимали, что с такой организацией работать будет ещё труднее.

Не успел закончиться сбор, как в войсках 14-й гвардейской армии началась осенняя инспекторская проверка, проводившаяся Главной инспекцией Министерства обороны, почему я и попросил генерала Ходана отпустить меня раньше времени. Опытный вооруженец, Николай Данилович понял моё состояние и не стал возражать.

Моему досрочному появлению искренне, как никто другой, обрадовался генерал-лейтенант Востров.

— Смотрите, кто прибыл! — воскликнул он и тут же озадачил: — Стрельбы артиллеристов на Тарутинском полигоне из-за отсутствия боеприпасов под угрозой срыва. Спасайте положение!

Выйдя из кабинета командарма, я помчался к себе в службу, соображая, что нужно предпринять в срочном порядке, а уж потом разбираться, что и как.

Едва войдя в свой кабинет, я схватился за телефонную трубку аппарата ЗАС и попросил соединить меня с командиром 59-й мотострелковой дивизии генералом Нестеренко, артиллеристы которого как раз должны были вести стрельбы.

К счастью, комдив в это время находился в своём кабинете и сразу ответил.

— Убедительно прошу вас срочно отправить машину со старшим за боеприпасами на окружной склад — попросил я его.

Что значит выделить машину в срочном порядке на большое расстояние, знают только служившие в дивизиях сокращённого состава, но генерал Нестеренко, видимо, понимал остроту момента. Он сразу же дал команду и послал машину в Колбасную.

Я вздохнул с облегчением и тут же позвонил подполковнику Михайличенко, распорядившись отправить туда же ещё две большегрузные машины.

Решив вопросы с транспортом, стал разбираться с причиной возникновения критической ситуации с боеприпасами. Оказалось, что мой заместитель полковник Смирнов, не имея соответствующего опыта, дал команду возить в первую очередь танковые выстрелы, так как их предполагалось израсходовать больше всего. При этом оставил без внимания предстоявшие зачётные стрельбы у артиллеристов, а их обеспечивать намного сложнее. В отличие от танковых стрельб, когда нужны боеприпасы одного калибра и одна их номенклатура, для ведения огня из артиллерийских орудий требуется подобрать несколько калибров различного предназначения, включая специальные снаряды. И хотя расход боеприпасов в данном случае действительно меньше, но подготовку ввиду разнообразия необходимо было начинать именно с артиллеристов, чего не учёл Смирнов. Непонятно только, почему ему не подсказал это опытный боеприпасник майор Гуреев, который, по существу, самоустранился от общего дела.

Как бы там ни было, но следовало выправлять положение, и я сидел на телефоне до тех пор, пока нужные боеприпасы не были загружены в автотранспорт и не отправлены на полигон. К счастью, успели вовремя, и артиллеристы отстреляли свои упражнения строго по плану проверки.

После окончания инспекторской проверки и отъезда московской комиссии подошла очередь следующего мероприятия: сдача экзаменов на государственном полигоне Капустин Яр армейской ракетной бригадой и ПРТБ с боевыми пусками ракет 8К14.

— Подготовку ракетной бригады возьмут на себя генерал Акимов и полковник Мешков. Вы же, — обратился ко мне командарм, — целиком и полностью отвечаете за подготовку подвижной ракетно-технической базы.

Это означало, что он по существу освободил меня от необходимости торчать в ракетной бригаде на комплексных занятиях и «натаскивать» расчёты стартовых батарей. Вся эта задача фактически ложилась на плечи службы главного инженера бригады и заместителей командиров ракетных дивизионов по ракетно-инженерной службе. Правда, от нашего отдела в бригаде постоянно находился подполковник Шаров.

Что такое сдача экзамена на государственном полигоне, мне было известно не понаслышке: ещё в лейтенантские годы приходилось неоднократно бывать в этом, я бы сказал, историческом месте. С очевидной ясностью представлялась вся многотрудность выполнения предстоявшей задачи, начиная с тренировок.

Прежде всего, был издан приказ по армии о порядке соответствующей подготовки, в котором помимо подробных указаний по проведению интенсивной технической учебы и практических занятий, а также организационных мероприятий подготовки было запланировано на период с 23 по 25 октября тактическое учение. Они соответствовали полигонному, так сказать, порядку, предусматривавшему осуществление работ технического плана при подготовке ракет к пуску на

обязательном тактическом фоне: с оборудованием в инженерном отношении позиций, совершением маршей, развёртыванием на новом месте и, конечно, наличием надёжной связи и управления подразделениями и т.п.

Для проверки отработанности как этих, так и других вопросов была назначена возглавляемая мной армейская комиссия в составе подполковников Ефремова и Дубина, майоров Горобца, Власенко и Кокорина. Словом, в неё, кроме офицеров нашей службы, вошли также оператор, политработник и тыловик.

Проведённое контрольно-зачётное учение позволило вскрыть ряд недоработок и упущений, в частности, самым слабым звеном оказалась связь. Для усиления этого звена собственных возможностей у нас не хватило, поэтому пришлось обращаться к командующему армией с просьбой о временном прикомандировании к нам из войск радиостанций. Кроме того, нам выделили шестнадцать километров полевого провода ПРВП.

Поскольку личный состав, обслуживавший переданную технику, не был натренирован для предстоящей работы, мне вместе с командиром батареи управления капитаном Ягудиным пришлось вплотную заняться сколачиванием экипажей.

— На полигоне мы будем тренировать связистов и день и ночь, — заметил подполковник Павленко, — а то они могут подвести нас...

Согласно плану, подготовка ПРТБ к ответственнейшему мероприятию завершилась 30 октября строевым смотром, а в первой декаде ноября подразделения погрузились в железнодорожные эшелоны.

Расстояние до Капустина Яра неблизкое, причём движение по железной дороге является составной частью выполнения общей задачи. Любой сбой, а тем более происшествие, негативно отразятся на общей оценке. Так что и в пути расслабляться нельзя.

Затем Волгоград. От него до полигона ехать сравнительно недолго. Последний раз я был здесь шестнадцать лет назад, и за это время тут произошли большие изменения: в учебном центре, куда прибывают ракетные части из войск, вместо щитовых домиков построены добротные казармы, для офицеров — современная комфортабельная гостиница.

Разместившись, мы поехали в ракетную бригаду. Генерал Акимов находился на стартовой позиции, где уже велись непрерывные комплексные занятия ракетчиков. Пока всё шло нормально, без сбоев и нарушений, но допускалось много ошибок. Порой расчёты не укладывались в нормативное время. Доложив Акимову о прибытии и уточнив задачу, мы поехали в район размещения ПРТБ. Здесь — тоже полный порядок: все три наши батареи находились друг от друга на строго установленных расстояниях, позиции оборудованы в инженерном отношении в полном объёме, техника тщательно замаскирована, между КП и подразделениями установлена надёжная связь, организованы охрана и оборона.

На командном пункте, кроме подполковника Павленко, находились начальник штаба капитан Медведев и ещё несколько офицеров.

— Часть прибыла на полигон без происшествий и готова к выполнению дальнейшей задачи, — доложил Павленко.

— Тогда давайте сюда мой портфель с документами, посмотрим эти самые «дальнейшие задачи»,
— сказал я, поздоровавшись с офицерами.

Секретчик принёс портфель, и мы разложили документы на столе.

Собственно дальнейшая задача состояла из двух частей: тактического учения и боевой работы по подготовке к пуску ракеты 8К14.

Учение спланировано на фоне оперативно-тактической обстановки и включает в себя совершение марша и развёртывание сходу на незнакомой местности в рамках временных норм и в строгом соответствии с требованиями руководящих документов.

Поскольку план проведения учения должен еще утвердить начальник учебного центра, я поехал в штаб руководства. К моему удивлению, этим самым начальником оказался генерал Харламов, знакомый мне ещё по лейтенантским годам. Он тогда возглавлял одну из контрольных групп, и мы с ним часто встречались, я даже однажды побывал у него дома.

Представившись генералу по всей форме, я доложил ему о прибытии на полигон в качестве начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения 14-й гвардейской армии и представил на утверждение план проведения учения.

После возвращения в часть мы начали подготовку к учению. На первом этапе для меня самым трудным и ответственным делом было ночью провести колонну ПРТБ из исходного района в район предназначения.

Кто бывал на полигоне, тот знает, что в степи, ровной как стол, множество дорог разбегаются в разные стороны, но нет ни одного ориентира. И хотя марш нужно совершить всего на расстояние десяти километров, немудрено сбиться с пути, а заблудившись, можно потерять время и в конечном счёте получить за первый же этап неудовлетворительную оценку.

Посоветовавшись, решили, что колонну лучше всего вести мне самому, и поэтому мы с Арнаутом прямо с утра стали изучать маршрут движения. Стоял чудесный солнечный день, видимость прекрасная во все стороны, до самого горизонта.

Проехав по маршруту первый раз, убедились, что дорога, везде ровная и накатанная, имеет несколько поворотов, пропустив которые, можно уехать в другую сторону. Поэтому, проезжая по маршруту во второй раз, стали запоминать его конфигурацию, предметы, способные служить хоть какими-то временными ориентирами.

Начало смеркаться, когда по завершению работы в исходном районе контрольная группа полигона стала подводить предварительны итоги.

— Сработали без ошибок и отлично по времени, — доложил подполковник Павленко.

Когда до начала выдвижения в новый район оставалась пара часов, пришлось понервничать: стал опускаться туман, видимость ухудшалась, туманная мгла ещё больше сгустилась к часу ночи, в то время как батареи стягивались к командному пункту и выстраивались в общую походную колонну.

Движение начали в строго назначенное время. Между тем пелена, словно ватная завеса, стала настолько плотной, что дорога впереди просматривалась всего лишь на несколько метров.

Наклонившись к самому ветровому стеклу, я напряжённо всматривался в дорогу, боясь пропустить нужные повороты и сбиться с маршрута. Но всё обошлось: в район развёртывания мы прибыли вовремя, да и само развёртывание прошло слаженно и организовано.

К утру батареи и КП заняли намеченные позиции, оборудовав их в инженерном отношении; была установлена связь, организованы охрана и оборона; без задержек развернули и подготовили к работе технологическое оборудование, замаскировали позиции. Как нам казалось, мы пока шли на отличную оценку. Однако многоопытные проверяющие из контрольной группы деликатно нас осадили:

— Отличные оценки на полигоне не приняты, и их ещё никто здесь не получал, — услышали мы откровенное признание.

Такой подход обескуражил меня: выходит, что отличной оценки, как ни старайся, нам не видать! Более того, ПРТБ может лишиться с таким трудом добытого звания отличной части.

Однако нельзя расслабляться, нужно готовиться к следующему этапу — практической работе по подготовке ракеты 8К14 к пуску. С невесёлыми мыслями, но не теряя оптимизма, я поехал в ракетную бригаду уточнить план дальнейших действий. В это время в стартовой батарее нашей бригады, сдававшей экзамен на допуск к боевому пуску, проводилось зачётное комплексное занятие на стартовой позиции в присутствии контрольной группы полигона.

Судя по общему настроению, всё шло нормально.

— Это — третья батарея, — сообщил мне подполковник Дронов. — Первая и вторая батареи уже отчитались на оценку «хорошо»...

Мне немного взгрустнулось: в своё время мне довелось провести на стартовой позиции немало времени; всё мне здесь до боли близко и знакомо, и душу мою здесь до сих пор волнует команда «к бою». Но теперь-то романтическое время для меня безвозвратно ушло в прошлое, и мне в силу своей теперешней должности нужно заниматься обеспечением пуска, а не торчать на старте. Такова логика прохождения службы вооруженцем: чем выше он поднимается по служебной лестнице, тем дальше он от конкретных дел, тем больше он сидит за столом и обрастает бумагами, говорит по телефону, становится, так уж получается, не специалистом-профессионалом, а администратором.

— Теперь ваша задача, — сказал мне генерал Акимов, — получить боевую ракету и подготовить её к пуску.

Это уже означает, что для ПРТБ начинается истинная боевая работа, включающая и получение ракеты, и перегрузку, и проверку, заправку и доставку её на стартовую позицию в готовом виде. Все этапы нужно пройти безошибочно в строго нормативное время. Естественно, везде есть подводные камни, о которые можно споткнуться. К примеру, взять хотя бы такую простую операцию, как получение ракеты. Прежде всего, ракету нужно тщательно осмотреть, а в приёмных документах грамотно отметить все выявленные дефекты: вмятины, сколы, царапины, нарушения окраски и прочее. Проверяющие, впрочем, заранее прекрасно знают все эти дефекты и лишь фиксируют беспристрастно, что мы пропустим, что недоглядим. За каждый недогляд оценка, естественно, снижается. А ведь есть дефекты скрытые, которые не сразу и не каждый обнаружит. Тут нужен опытный, намётанный глаз.

А заполнение документации? Тут тоже многие шишки набивают: то неправильность, то нечёткость, то помарки и исправления, к тому же многие из нас, нечего греха таить, пишут как курица лапой.

Дальше — перегрузка. Если неумелыми действиями повредить ракету, то положительную оценку можно уже не ожидать. Это — в мирное время. В бою — кто ж оценки-то ставить будет? Там счёт промахам особый.

Но самая трудная операция, на которой обычно «горят» расчёты, — это заправка ракеты горючим и окислителем. В качестве окислителя применяется агрессивная азотная кислота, требующая при заправке тщательно подготовленных заправочных средств, культуры в работе и отточенных навыков номеров расчёта.

Для боевого пуска нашей бригаде дали всего одну ракету. По указанию контрольной группы полигона заправлять её компонентами топлива предписано не в поле, а на площадке, в стационарных условиях. По правилам безопасности я стоял поодаль, возле дверей огромного здания, наблюдая за работой нашего расчёта и переживая за него. Пока все шло нормально. Наконец заправка закончилась, и я вздохнул с облегчением. В это время ко мне подошёл старший контрольной группы и сказал:

— Спасибо вам за отличную подготовку расчёта...

Эти слова дорогого стоят, так как сказал их человек, который провёл здесь, наверное, сотню заправок и знает истинную цену этого коллективного труда. Получить похвалу такого специалиста — высшая награда. Конечно, заслуга тут, я понимал, не столько моя, сколько капитана Тимошкова, его подчинённых и главного инженера. Но и мне приятно услышать слова благодарности.

После передачи полностью подготовленной ракеты в ракетную бригаду ПРТБ по существу выполнила все свои задачи. По нашим прикидкам, на всех этапах база сработала на «отлично», но окончательная оценка будет объявлена после пуска ракеты.

До пуска оставалось уже немного времени, и мы потихоньку стали собираться в обратную дорогу. Но тут меня и Павленко вызвали в штаб учебного центра.

— Вы должны уничтожить все следы своего пребывания на полигоне: закопать капониры, окопы, укрытия, убрать мусор в районах размещения ПРТБ, — распорядился начальник штаба.

Делать нечего, пришлось снова готовить землеройную технику и посылать её во все районы, где мы немало потрудились, усердно оборудуя позиции в инженерном отношении. И хотя закапывать значительно легче, перемещая рыхлый грунт, но всё равно эта работа заняла некоторое время.

Между тем наступил день боевого пуска ракеты, от которого зависит в конечном итоге оценка подготовленности ракетной бригады. Он, как уже говорилось, должен осуществляться на фоне оперативно-тактического учения, то есть стартовая батарея сходу занимает огневую позицию и производит пуск. Это, конечно, осложняет выполнение задачи, но зато приближает к условиям боевой действительности.

Вот по команде стартовая батарея заняла огневую позицию, и с этого момента пошли драгоценные минуты подготовки ракеты к окончательному испытанию.

Расчёт недаром тренировался и готовился столь напряжённо к этому самому моменту на многочисленных занятиях: в жару и в холод, летом и зимой. Потому-то теперь работал уверенно и слаженно.

Вот ракета установлена в вертикальное положение. Вот она наведена на цель. Вот прошла заправка пусковым горючим, выполнены заключительные операции. Расчёт уходит в укрытие. До пуска остаются секунды. Вспышка яркого пламени над пусковым столом... Грохот ракетного двигателя... Клубы дыма и пыли, окутавшие пусковую установку... Это и есть мгновение пуска.

Вначале ракета как бы нехотя, медленно оторвалась от пускового стола, а потом, набирая ускорение, легла на боевой курс и скрылась из виду. Через некоторое время томительного ожидания пришло сообщение, что она попала в цель с отклонением на оценку «хорошо». Таким образом, итоговая оценка ракетной бригаде по совокупности всех оценок получалась «хорошо». Оценка ПРТБ тоже была выставлена «хорошо», что мне казалось несправедливым.

— Оценка базе не может быть выше, чем бригаде, — успокоил меня генерал Харламов, когда я, нервничая, пытался отстоять для ПРТБ отличную оценку. — И та, и другая выполняли одну задачу...

На следующий день после пуска оперативная группа штаба армии во главе с генералом Акимовым убыла в Волгоград. В это время местный аэродром, как водится, затянуло сплошной пеленой тумана. Нелётная погода могла продолжаться неизвестно сколько. Я попросил разрешения у генерала Акимова лететь через Краснодар, чтобы побывать в Симферополе и повидать семью.

Тем временем приближалось 1 декабря — священная, как говорится, дата, обозначающая начало нового учебного года. В связи с этим в войсках 14-й гвардейской армии приступили к интенсивной подготовке к такому важному периоду: уточнялись и утверждались планы боевой и политической подготовки, тщательно составлялись расписания занятий на первую неделю, обновлялась и совершенствовалась учебно-материальная база, личный состав возвращался в строй из командировок и с затяжных хозяйственных работ.

Офицеры службы РАВ армии, естественно, проявляя повсеместную активность в составе различных комиссий, то и дело выезжали с проверками в войска. Причём основное внимание, как повелось, уделялось мотострелковым дивизиям, а до своих частей всё время руки не доходили. Получалось почти что по расхожей шутке: у ярых общественников, дескать, собственные дети неужоженные. Так что происходившие иногда казусы были вполне объяснимы...

Где-то дня через три после начала учебного года меня вызвал к себе возвратившийся к тому времени командующий армией генерал-лейтенант Востров.

— Двадцатого декабря, — сказал он, — состоится вручение ПРТБ переходящего Красного знамени. Вручать его будет начальник Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны СССР маршал артиллерии Кулешов Павел Николаевич. Готовьте часть к этому мероприятию...

Времени оставалось мало, и я в тот же день выехал в Ново-Алексеевку.

Знакомый до мелочей военный городок предстал вдруг передо мной под другим углом зрения. Как же так, почему я раньше не замечал его неприглядный вид? Сколько нелепостей бросилось неожиданно в глаза: здание трехэтажной казармы обшарпано и требует побелки; столовая

затрапезная; разметка на строевом плацу стёрлась; тщательного ухода требует техническая территория и т.д., и т.п.

Собравшись на совещание, мы стали думать, как нам лучше построить свою работу, чтобы ничего не упустить. Распределили за каждым «горячим» объектом ответственных лиц.

Наступил долгожданный день вручения части переходящего Красного знамени. В восемь часов утра личный состав в парадной форме начал строиться на плацу. В половине девятого приехал командарм и, поздоровавшись, стал придирчиво всё осматривать. Когда стрелки часов доползли к девяти, долгожданные гости въехали в городок. Первыми встретили маршала пионеры и октябрята местной школы. Окружив его щебечущей стайкой, они повязали ему красный галстук, чем растрогали до слёз бывалого военачальника.

Ритуал вручения знамени не занял много времени и прошёл, как говорится, без сучка и задоринки. И вот уже наши знаменщики проносят стяг вдоль строя. Солдаты и офицеры провожают красное полотнище восторженными взглядами, возможно, каждый из них в эту торжественную минуту вспоминает, каких трудов стоила эта награда: внезапные подъёмы по тревоге, тяжелейшие изнуряющие марши, упорная учёба, бесконечные тренировки на комплексных занятиях, уход и сбережение вооружения и техники, боевая работа на полигоне и многое другое... Теперь всё это позади. Теперь — заслуженный итог.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 11; 2009. № 2.

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

*Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —
ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)*

А.Г. БРИКНЕР

СМЕРТЬ ПАВЛА I

11—12 марта 1801 года

1. Накануне катастрофы

Заговор скоро принял такие размеры, что дальнейшее промедление грозило опасностью для него. В одном батальоне Семёновского гвардейского полка, например, все офицеры, не исключая прапорщиков, были посвящены во все замыслы заговорщиков. Нельзя было и надеяться долго

сохранить тайну, о которой знало так много людей двойственного характера, так много необдуманных юношей. Обо всём плане мог, например, очень легко узнать, между прочим, Саблуков, и нужно полагать, что этот лояльный и верный императору офицер не преминул бы оказать противодействие в данном случае.

К посвящённым в дело принадлежали люди различных кругов. Из сенаторов к этому числу принадлежали: Орлов, Чичерин, Татаринов, граф Толстой, Трощинский, из военных генералов князь Голицын*, командир Преображенского гвардейского полка, Депрерадович, командир Семеновского гвардейского полка, Талызин, Мансуров, Уваров, генерал-адъютант Павла Аргамантов, князь Яшвиль и другие офицеры. Среди них были люди, к которым император мог питать особенное доверие. Так, Уваров, например, был интимным другом матери возлюбленной Павла — княгини Лопухиной.

Генерал-майор Оболянинов, который к концу этого царствования занимал пост обер-прокурора сената, казался таким благонадёжным верноподданным и настолько стоял вне всяких подозрений, что его дом мог служить лучшим местом для собраний заговорщиков. Отец Саблукова почти ежедневно приходил к нему играть в карты, не имея даже представления о том, что происходит в его квартире, и даже после катастрофы — и это характерно для общественного мнения — он пользовался таким уважением, что его выбрали московским предводителем дворянства.

Молодой Саблуков вращался в кругу главных заговорщиков, и у него получалось впечатление, что что-то готовится, но он не был посвящён в тайну. Он бывал на обедах при небольшом числе гостей у Палена, Талызина, у Зубова и Оболянинова, причём ему казалось, что здесь посетители не поддерживали общего разговора, а разбивались на группы, которые немедленно же прекращали свою беседу, как только к ним кто-нибудь подходил. Он заметил далее, что Талызин и другие лица делали вид, как будто им нужно сообщить очень важные вещи, но в последний момент они умолкали, погружённые в свои мысли. «Одним словом, — рассказывает Саблуков, — всё поведение этого общества ясно показывало, что замышляется нечто необычайное; свобода, с которой порицали императора, смеялись над его сумасбродными выходками (*extravagances*) и критиковали его строгие меры, ясно доказывала, что на него готовится покушение. Особенно подозрительными в этом отношении показались мне небольшой обед у Талызина и собрание очень узкого круга лиц у Валерьяна Зубова. Когда я однажды за обедом у графа Палена сделал резкое замечание по адресу императора, он многозначительно посмотрел на меня и сказал: “Не так много и без пользы говорить, а смело действовать”. Я почувствовал тогда, что что-то висит в воздухе; это навело меня на размышления, и мною овладело беспокойство; я вспомнил о своей присяге и некоторых хороших чертах характера императора. Но всё это были лишь одни сомнения и опасения, ничего определенного, ничего ясного, что могло бы заставить меня предпринять какие-нибудь решительные действия. Я чувствовал себя очень несчастным и обратился за советом к своему старому другу Тончи¹. Он ответил мне, что ввиду полной невозможности для меня ни улучшить характер императора, ни предотвратить подготовляющееся на него покушение, я должен быть возможно сдержаннее в разговорах со всеми, чтобы никто не мог осмелиться доверить мне какую-нибудь тайну. К своему счастью, я последовал его совету»².

Но признаки надвигающегося переворота увеличивались с каждым днём. Так, например, Саблуков узнал, что возвращённые из ссылки Зубовы и их сестра госпожа Жеребцова ежедневно собираются у Оболянинова, что у Талызина, у братьев Ушаковых, Депрерадовича и других обыкновенно сходится общество с очень строгим подбором за ужином, что полковник Хитров,

необыкновенно даровитый, но беспутный человек, адъютант великого князя Константина, живший очень близко от Михайловского дворца, завёл у себя очень изысканный круг знакомых и т.д.

В то же время распространился слух, что усилены патрули вокруг Михайловского дворца, и что надзор стал строже³. Саблуков позже узнал, что госпожа Жеребцова, которая в момент катастрофы находилась в Берлине, предсказала там время наступления события и отправилась в Англию, чтобы встретиться там со своим другом Уайтвортом. Последнее обстоятельство дало повод к слуху, что английское золото сыграло роль в заговоре⁴.

Очень многие, без сомнения, были осведомлены обо всех подробностях предприятия. Розенцвейг кроме вышеупомянутых военных чинов и сенаторов упоминает, между прочим, командира Преображенского гвардейского полка Талбанова, некоего лейтенанта Мбрина; он полагает, что в тайну было посвящено еще более 50 человек. Он называет далее братьев Зубовых, Платона и Валерьяна, как лиц, пользовавшихся особым доверием великого князя Александра⁵. Из воспроизведённого Ланжероном рассказа Константина можно видеть, что и он в это время состоял в интимных отношениях с Зубовыми.

«Удивляешься, — замечает Бернгарди, — когда видишь, каким широким кругам было в это время известно не только то, что заговор должен положить конец безумной и несносной тирании этого царствования, но даже и то, что вечер 11 марта был предусмотрен для решительного шага против императора. Очень большая часть по крайней мере так называемого великосветского общества в Петербурге была, по-видимому, об этом осведомлена. В многочисленном обществе за ужином у княгини Белозерской камергер Загряжский посмотрел на часы, когда уже стало поздно, и сказал: «Le grand Empereur n'est pas en ce moment fort a son aise»^{**}. Воцарилось глубокое молчание; все разошлись, и никто при этом и не подумал спросить о значении этих темных слов: они были ясны, очевидно, для всех»^б.

Намерение Павла назначить вюртембергского герцога Евгения наследником престола, о чём Бернгарди упоминает с большой уверенностью, не называя источников, по-видимому, побудило Александра дать своё согласие на решительные действия⁷. Положение молодого герцога в этот роковой момент могло быть очень опасным. «Красивая княгиня Гагарина, — рассказывает Бернгарди, — несколько раз в таинственных выражениях предупреждала молодого вюртембергского принца о грозивших ему опасностях; в этот вечер она ему сказала: «Si vous aviez besoin d'un asile, vous le trouveriez chez moi»^{***}. Она знала о том, что предстояло; молодого принца она предупреждала; человека, которому она отдала права любовника, она не предупредила!» «Генерал Дибич, — рассказывает дальше Бернгарди, — хотя и далеко стоял от заговора, также узнал о предстоящем покушении и был очень озабочен, как бы заговорщики не причинили каких-нибудь страданий молодому принцу, который был вверен его попечению; это ясно обнаруживается из всего его поведения в этот роковой день. Он говорил об опасностях; прусский ротмистр фон Требра, который состоял помощником гувернера при принце, хотел отвести последнего вечером в первый кадетский корпус, полагая, что он там будет в безопасности. Но первый фактический начальник этого учреждения, наш известный немецкий писатель Фридрих Максимилиан Клиnger, решительно отказался принять его. Из каких оснований — хотел ли он сохранить вид, будто ничего не знает о том, что происходило, и в чём он никакого участия не принимал, или он опасался, что великий князь Александр, сделавшись императором, никогда не простит ему такой предупредительной и к тому же ещё излишней заботливости о принце — осталось для нас неизвестным. Дибич не давал принцу раздеться и лечь спать, пока

наконец поздно, ночью, не появился офицер, капитан Фолькерсберг, и в полуотворенную дверь заявил, что всё кончено, указав при этом движением руки на горло. Дибич после этого сказал принцу, что он может лечь спать».

Ночь 11 марта была назначена Паленом как окончательный срок для решительных действий. В этот день Павел отправил русскому послу в Берлин барону Крюденеру очень резкое письмо, в котором речь шла о крайне важных враждебных действиях против Англии. Пален в качестве министра иностранных дел сделал приписку в надежде, что Крюденер не очень будет спешить с исполнением приказа. Приписка Палена гласила: «*La Majesté Impériale est indisposée aujourd'hui. Cela pourrait avoir des suites*****»⁸.

Вечером 11(23)марта состоялось собрание заговорщиков за ужином, после которого действующие лица непосредственно отправились для осуществления дела. Самые важные данные об этом собрании сообщил Беннигсен как в своих записках, которыми воспользовался Бернгарди, так и в разговоре с Ланжероном. Только в незначительных подробностях эти рассказы расходятся между собой. Бернгарди замечает, что ужин состоялся у Талызина, который жил вблизи Летнего сада и Михайловского дворца; было приглашено много молодых офицеров, именно таких, которые незадолго перед этим понесли строгие и оскорбительные наказания за мелкие проступки; среди них были некоторые, которые до момента покушения на императора ничего не знали. Пален и Беннигсен пили за ужином очень умеренно, но молодым людям подливали очень щедро⁹.

«Когда наступил этот день, — рассказывал Беннигсен в разговоре с Ланжероном, — мы все собрались у Палена. Я нашел там Зубовых, Уварова, многих гвардейских офицеров¹⁰, возбужденных выпитым в большом количестве шампанским. Пален запретил мне пить, сам он также не пил. Всех нас было более 60 человек».

Несущественно, конечно, был ли ужин у Палена или у Талызина. Розенцвейг рассказывает эпизод, который подтверждает последнее известие. «Генерал Талызин, — читаем мы у него, — сказался больным, чтобы беспрепятственно сделать нужные приготовления. Император прислал к нему своего лейб-медика доктора Гривэ, состоявшего после придворным врачом при Александре, англичанина родом. По приказу императора он ворвался в кабинет Талызина, в котором как раз в это время происходило совещание заговорщиков. Сначала врача хотели убить, чтобы уничтожить всякую возможность доноса; но генерал Талызин взял на себя поручительство в том, что он будет молчать и в течение остальных нескольких часов держал его под строгим надзором»¹¹.

У Саблукова имеется одно описание, которое, может быть, решает вопрос о месте собрания. «Вечером 11марта состоялось несколько собраний заговорщиков, — пишет он. — Полковник Хитров, генералы Ушаков и Депрерадович и другие давали у себя ужины, и все они позже, вечером, соединились на общем собрании (*at one principal party*), на которое явились также Пален и Беннигсен. Было выпито при этом очень много вина, а некоторые даже переусердствовали в этом отношении. После ужина Пален будто бы сказал: «*Rappelezvous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les oeufs*»^{****}. Полковник Измайловского полка Бибииков, блестящий офицер, входящий во все лучшие дома, высказал, говорят, за ужином мысль, что недостаточно устранить одного Павла, и что в России жилось бы всем гораздо лучше, если бы заодно освободились от всех членов императорской фамилии (*to get rid of them all together*)»¹². Такая безумная мысль может быть объяснена крайним опьянением и даже тогда ни на кого не произвела никакого впечатления.

Более важные сведения обо всем этом мы узнаем от Бернгарди, т.е. от Беннигсена. «Тайный советник сенатор Трошинский предложил выпустить манифест, в котором было бы заявлено, что император ввиду своей болезни назначил своим соправителем великого князя Александра. Что Павла можно было только силой заставить подписать такой акт, было само собой понятно для всех; он должен был таким образом сделать это по принуждению, а в крайнем случае его можно было бы заключить в Шлиссельбургскую крепость. В это время часть солдат Семёновского полка, на которых можно было положиться, была собрана в доме Талызина; другая часть получила приказ явиться в определённое место на Невском проспекте. Платон Зубов и Беннигсен взяли на себя «лично покончить с императором». Граф Пален и генерал Уваров должны были во главе солдат, собравшихся на Невском проспекте, обеспечить внешнюю безопасность для заговорщиков. Ещё в последнюю минуту разгоряченный вином молодой человек спросил, что должно произойти, если император окажет сопротивление. Пален ответил известной тривиальной французской поговоркой: «Quand on vent faire une omelette, il faut casser les oeufs!»*****. Так рассказывает Беннигсен, который при этом был. После таких слов, которые вполне согласуются с припиской, сделанной Паленом к письму, отправленному Крюденеру, было совершенно невозможно сдерживать страсти опьянённых офицеров»¹³.

Создалось какое-то своеобразное противоречие между отредактированным Трошинским манифестом, который должен был быть подписан Павлом и заключал в себе назначение Александра регентом, с одной стороны, и теми разнообразными военными приготовлениями, которые были предприняты заговорщиками, с другой. Пален, по-видимому, несколько не обманывался насчет того, что кризис не может обойтись без насилия. Толпа пьяных офицеров, готовых на кровавую расправу, появилась на той сцене, на которой должны были вестись переговоры с душевнобольным монархом о его полном или частичном отречении от престола. Чтобы поддержать дело заговорщиков, были выставлены войска. После этого можно было ожидать, что, если дело не кончится смертью Павла, то во всяком случае насильственное заключение в тюрьму будет неизбежно. Но раз дело имели с душевнобольным, то почему, спрашивается, никому и в голову не пришло прежде всего обратиться к авторитетному мнению психиатра? Приходится допустить, что интересы общего блага и спасение от бедствий, угрожавших стране от опасного человека, стояли на первом плане. Было решено пожертвовать больным. Павел шёл навстречу своему року.

2. Последние дни и часы Павла

Несмотря на полный распад семейных уз в императорской фамилии, придворная жизнь до последнего времени сохраняла свой обычный внешний характер. Шведский посол писал за несколько недель до катастрофы, что по вторникам при дворе бываю обыкновённо маскарадные балы, на которых очень много веселятся¹⁴. Самого Стединга на эти увеселения не приглашали, потому что между Павлом и шведским двором создались натянутые отношения. Из источников, более компетентных, доходили совершенно другие сведения об этом веселье в высших кругах. «Каждую субботу, — рассказывает Бернгарди, — при дворе бывали большие концерты, на которых Павел завёл странные традиции: во время пауз гости обильно угощались вином. Император сам также пил очень много. Он любил высказывать самые чудовищные парадоксы и защищать их, а когда он разгорячался от выпитого вина, его смелая фантазия переходила в настоящее безумие, и он поражал своей болтливостью, в высшей степени страстной и самоуверенной. В последнюю субботу своей жизни Павел казался возбуждённым до

невероятности; он метал такие молниеносные взгляды на императрицу и сыновей своих, налетал на них с таким грозным лицом и такими оскорбительными словами, что даже самые наивные люди не могли отвязаться от самых мрачных предчувствий»¹⁵.

Рассказывают, что в последние месяцы своей жизни Павла преследовала боязнь, что его могут отравить. Он обратился поэтому к одному английскому купцу, с давних лет жившему в Петербурге, и просил рекомендовать ему хорошую буржуазную английскую кухарку. Его желание было удовлетворено. Кухарка поместилась в кухне, которая непосредственно примыкала к покоям императора, и ежедневно готовила ему обед. В ночь его смерти она услышала поднявшийся шум и так перепугалась, что выскочила из дворца и, несмотря на тёмную ночь, пешком убежала к своему старому хозяину¹⁶.

Более достоверный характер, чем все такие анекдоты, имеет рассказ Коцебу о его последней встрече с императором в день катастрофы. Павел возвращался с прогулки верхом в сопровождении графа Кутайсова и, по-видимому, был в очень хорошем расположении духа. Коцебу, которому император поручил составить подробное описание Михайловского дворца, встретил его на лестнице у стоявшей здесь статуи Клеопатры. Павел заговорил с поэтом о статуе, сделал несколько замечаний о судьбе египетской царицы и затем спросил, скоро ли Коцебу закончит описание дворца. Коцебу обещал скоро представить работу, и император высказал своё удовольствие по этому поводу. Поднимаясь на лестницу, Павел обернулся и посмотрел на поэта. Оба не подозревали, что они видятся в последний раз¹⁷.

Известный генерал Кутузов рассказал Ланжерону следующий анекдот: «Мы сидели 11(23)марта вечером за ужином у императора. Нас было двадцать человек за столом. Он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, придворной фрейлиной, сидевшей напротив императора. После ужина он беседовал со мной. Посмотрев в зеркало, которое неверно показывало, он, смеясь, сказал: «Удивительное зеркало, когда я смотрюсь в него, мне кажется, что у меня шея свернута (de travers). Через полтора часа он был уже трупом»¹⁸.

Подобный же анекдот рассказывал обершталмейстер Муханов полковнику Саблукову за несколько дней до катастрофы. Император катался верхом в туманную погоду по парку, расположенному у замка, и вдруг стал жаловаться на удушье. Он рассказал об этом тотчас же обершталмейстеру и заметил: «Я почувствовал, что задыхаюсь, мне не хватало воздуха, и мне казалось, что я сейчас умру, меня, может быть, давят?» Муханов старался успокоить монарха, объясняя его нездоровье сырой погодой. Павел умолк, покачал головой и казался очень задумчивым»¹⁹.

Саблуков провел полтора года со своим кавалерийским полком в Царском Селе, которое служило для него местом ссылки. Это был один из часто повторяющихся актов произвола со стороны императора за мнимые упущения, которые были им замечены на парадах. Саблуков замечает, что великий князь Константин, который никакого понятия не имел о кавалерии, питал страсть к командованию над кавалерийским полком и подвергал его самым жестоким дисциплинарным наказаниям. Только благодаря терпению и выдержке Саблукова всё это счастливо проходило; впрочем, полковник был потом очень доволен тем, что его не было в столице, так как благодаря этому и он сам, и его полк избежали опасности принимать участие в заговоре против императора. Но слухи о грозившей императору опасности доходили и до Царского Села. Там узнали, между прочим, что Павел чувствовал себя неуверенно в Зимнем дворце и поэтому велел построить Михайловский дворец, который был защищён, как крепость, рвами и подъёмными мостами,

потайными лестницами и подземными ходами. Здесь надеялся Павел быть, «б l'abri d'un coup de main»*****.

Вскоре после этого Саблукову было разрешено вернуться со своим полком в столицу. 11 марта он должен был с частью своего войска нести сторожевую службу во дворце. В его распоряжении были двадцать четыре рядовых, три унтер-офицера и один трубач. Они разместились рядом с рабочим кабинетом императора. Несколько дальше находилась другая стража Преображенского полка, которому Павел отдавал предпочтение. Эта стража была под командой подпоручика Марина, которого некоторые источники причисляют к заговорщикам. Во дворе дворца стояла на посту группа семёновских гвардейцев, на содействие которых во время переворота возлагал большие надежды, как мы выше видели, великий князь Александр.

11 марта утром Саблуков занял свой сторожевой пост во дворце и там узнал от своего сослуживца по полку адъютанта Ушакова (который также состоял в числе заговорщиков), что он, Саблуков, должен по приказу великого князя Константина вернуться в казармы. Это была неправильность, на которую Саблуков хотел пожаловаться великому князю Константину во время парада, который ежедневно происходил во дворе дворца. К немалому удивлению Саблукова, оба великих князя не явились на парад, потому что, как полковник после узнал, оба они были под арестом.

После целого дня, проведённого в казармах, Саблуков в 8 часов вечера отправился во дворец с рапортом к шефу полка великому князю Константину. Лакей Павла встретил его у дверей и заявил, что он не пропустит его к великому князю, прежде чем не доложит об этом императору. Саблуков возразил, что он по долгу службы обязан поговорить с великим князем, и направился к комнатам Константина. Но и здесь хотел его задержать другой лакей с расспросами о цели его прихода. Саблукова это вывело из терпения, и он воскликнул: «Вы здесь, по-видимому, все с ума сошли. Я — дежурный полковник».

Так Саблуков проник дальше, пока не вошёл, наконец, в комнату великого князя, которого он нашел в крайне возбужденном состоянии. Явился также и Александр, который выглядел, как «трусливо пробирающийся заяц». «Вдруг, — рассказывает Саблуков, — открылась дверь и появился император, в сапогах и при шпорах, с шляпой в одной руке, с палкой в другой и стал расхаживать взад и вперед, как на параде. Александр шмыгнул, как фонарщик²⁰, в свои комнаты, Константин стоял, как статуя, с опущенными руками и выглядел так, как будто он очутился без всякого оружия лицом к лицу с медведем. Я обратился к императору и передал ему дневной рапорт о состоянии полка. «Ты дежурный? — спросил император, — затем дружелюбно кивнул мне и удалился. Тотчас же Александр тихо приотворил немного дверь и заглянул в комнату. Константин неподвижно стоял на своём месте. Когда раздался стук второй двери и можно было заключить, что император действительно ушёл, Александр снова вошёл в комнату с виновным видом виляющей хвостом лягавой собаки. «Ну, брат, — сказал Константин, — что ты теперь скажешь? Разве я не говорил тебе, что он (он указал на меня) не будет бояться». Александр спросил меня, действительно ли я не боюсь императора. «Нет, — ответил я, — я исполняю свой долг и боюсь только своего начальника великого князя Константина»²¹. «Ступай домой, — сказал мне Константин, — и будь настороже». Я ушёл. В передней слуга Рудковский помог мне надеть пальто. В это время раздался голос Константина, который просил стакан воды. Рудковский налил воды в стакан. На поверхности воды плавала пушинка. Он вынул её пальцами и сказал: «Сегодня она ещё плавает сверху; завтра она уж утонет»²². Я возвратился домой, сел в своё кресло и был, как можно себе представить, крайне смущён и полон самых тяжёлых предчувствий по поводу всего того, что я видел и слышал. Я не долго предавался своим размышлениям, потому что в три

четверти десятого вошёл мой слуга и доложил, что прибыл курьер от императора с приказом, чтобы я немедленно явился во дворец.

Такие посланцы всегда внушали подозрения и считались дурным предзнаменованием. Когда я пришел во дворец, то корнет Андреевский, который стоял на посту, сказал мне, что ничего чрезвычайного не случилось, что император и императрица три раза проходили мимо стражи и всякий раз очень любезно раскланивались.

В шестнадцать минут одиннадцатого в передней появился император в башмаках и чулках. Он возвращался с ужина. Его собачка шпиц бежала впереди; за государем следовал генерал-адъютант Уваров. Император подошел ко мне и сказал мне по-французски: «Вы якобинцы». Я ответил: «Так точно, государь». «Не вы сами, — поправил он, — а ваш полк». «Разве только я, — заметил я, — что же касается полка, то вы ошибаетесь». «Я это лучше знаю, — возразил император, — пусть стража уходит». Я скомандовал: «Направо, кругом, марш!» — и корнет Андреевский ушёл со своими солдатами. Тогда император стал со мною разговаривать по-русски и повторил, что мы якобинцы. Я очень энергично возражал против этого обвинения. Он настаивал на том, что он это лучше знает, и прибавил, что отдал приказ выслать полк из города и разместить его по деревням. «Ваш эскадрон, — сказал он очень любезно мне, — будет водворён в Царском Селе. Два бригадных майора проводят полк до седьмой версты. Распорядитесь, чтобы все в 4 часа утра были готовы отправиться в путь со всеми своими пожитками». Затем он обратился к своим камер-гусарам и, указывая на дверь своей комнаты, сказал: «Вы оба стойте здесь на посту». Уваров всё время стоял позади императора и с глупым выражением улыбался. Император необыкновенно любезно раскланялся и ушел в свою комнату. Я вернулся домой, передал генералу Торماسову, к великому его удивлению, приказ императора по поводу полка, сел в кресло и погрузился в свои мысли.

В самом начале второго часа ночи пришёл мой слуга с собственноручным приказом великого князя Константина. Записка, которая была написана, по-видимому, второпях и в большом волнении, содержала следующее: «Соберите свой полк в кратчайший срок с лошадьми и в полной амуниции, но без вещей. Ждите моих дальнейших приказаний. Константин цесаревич». Посланец, курьер великого князя, устно прибавил к этому: «Его высочество велели вам сказать, что дворец окружен войсками и чтобы вы приказали зарядить боевыми зарядами карабины и пистолеты».

Крайне ошеломлённый всем этим Саблуков сделал все нужные распоряжения. Он рассказывает, как он превратил казармы в настоящую крепость, и, так как не уверен был в образе мыслей генерала Торماسова, то поставил у его дверей стражу, строго приказав ей никого не пропускать к нему. Он замечает далее, что эта тревога вызвала неудовольствие среди солдат, так как до четырёх часов, до выступления из столицы, по их словам, ещё оставалось много времени, и что особенно много нареканий вызвал с их стороны приказ о боевых патронах. Через три часа после этого пришло известие о перевороте.

Рассказ Саблукова очень живо воспроизводит перед нами ту атмосферу, в которой протекала жизнь дворца в эту страшную ночь. Некоторые небольшие штрихи этой картины нуждаются в более обстоятельном освещении и вызывают сомнения. Что Александр знал о готовящемся покушении на императора, не подлежит никакому сомнению. Напротив, из приводимого нами далее рассказа Константина в разговоре с Ланжероном вытекает, что он, Константин, спал ночью, ни о чём не зная раньше и был разбужен Зубовым, который принёс ему известие о наступившей за час перед этим кончине императора. Это обстоятельство трудно согласовать с отправленной в полночь Саблукову запиской Константина и устно переданным через курьера сообщением, что

дворец окружён войсками. В данном случае речь может идти только о тех военных отрядах, которые были в распоряжении заговорщиков для выполнения покушения. Очень сомнительным кажется, чтобы Константин мог спокойно спать в эту ночь после тех волнений, свидетелем которых был Саблуков.

К сожалению, в сообщениях о самом насильственном акте недостаёт точных указаний времени. Мы не знаем, в каком часу наступила смерть Павла и когда Зубов разбудил великого князя Константина; но всё говорит за то, что в тот час, когда Константин послал свой приказ Саблукову, событие подвинулось уже далеко вперед. Как Саблуков позже узнал, отряды заговорщиков двинулись по направлению к Зимнему дворцу «около полуночи»; убийство императора совершено было, вероятно, в 1—2 часа ночи; Зубов разбудил Константина через час после этого, т.е. около 3 часов, а Саблуков уже узнал о событии между 3 и 4 часами утра в своей казарме. Принимая во внимание всё это и несомненный факт полученного Саблуковым от великого князя приказа, можно утверждать, что Константин заснул только на несколько часов, если он вообще спал в эту ночь.

Далее заслуживает внимания то обстоятельство, что Саблуков и его солдаты, которые ничего решительно не знали о заговоре и без сомнения готовы были защищать императора от нападения заговорщиков, оказались на таком далеком расстоянии от места действия. Легковерие Павла, с одной стороны, и склонность к подозрениям, с другой, толкали его навстречу злополучной судьбе. В последнюю минуту он лишил себя той защиты, которая могла, если не совсем воспрепятствовать покушению, то, по крайней мере, значительно затруднить его. Вскоре после переворота Саблуков узнал следующие подробности.

Непосредственно перед катастрофой император будто бы спросил графа Палена, не может ли он со своей стороны сделать что-нибудь для его безопасности ввиду слухов о подготовляющемся против него заговоре. Указывая на помещение, где стояла стража Саблукова, Пален ответил: «Трудно сказать, что ещё можно придумать; разве только, ваше величество, удалить этих якобинцев и запереть эту дверь (в спальню императрицы)».

Павел слишком ревностно исполнил оба этих совета этого типичного Яго из Отелло, графа Палена. Отсюда и удивительное обращение Павла к Саблукову, который старался опровергнуть обвинение в якобинстве, но не мог рассеять подозрения, вызванные словами Палена. Поэтому же он удалил и стражу, которая могла бы спасти ему жизнь.

На следующий день, утром, во время парада Пален подошёл к Саблукову, который стоял в стороне, и сказал: «Вы внушали мне больше страха, чем весь гарнизон (т.е. остальные солдаты во дворце)». — «И вы имели на это все основания», — ответил Саблуков. На это Пален заметил: «Потому я и позаботился, чтобы вас удалили».

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. №6, 7, 9—11; 2009. № 1, 2.

* Так в тексте.

** Великому Императору было не по себе в этот сложный момент.

*** «Если вы будете нуждаться в приюте (убежище), вы сможете найти его у меня».

**** «Его императорское величество испытывает недомогание (нездоров) сегодня. Это может иметь последствия».

***** «Запомните, господа, что для того, чтобы съесть омлет, необходимо для начала разбить яйца».

***** «Когда хотят приготовить омлет, надо разбить яйца».

***** «Огражденный от всевозможного насилия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неаполитанец, философ, поэт и живописец, которому Саблуков был очень многим обязан.

² Саблуков в «Fraser's Magazine». 1865, сент. С. 312.

³ Саблуков. Указ. соч. С. 311.

⁴ Там же. С. 323.

⁵ Aus allen Zeiten und Landen. С. 8.

⁶ Исторический Вестник. №III. С. 156. Очевидно, по устным традициям, сохранившимся в высших кругах Петербурга.

⁷ Это известие, повторяем, встречается только у Бернгарди, но его сведения почерпнуты из очень верных источников.

⁸ Исторический вестник. №III. С. 156.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Ланжерон называет кроме вышеупомянутых Яшвиля, Татарина и Аргамантова ещё князя Вяземского из Семёновского полка, Скарятин из Измайловского, Волконского и др.

¹¹ Aus allen Zeiten und Landen. С. 16.

¹² Саблуков в «Fraser's Magazine», 1865, сент. С. 318.

¹³ Исторический вестник. №III. С. 157, 158.

¹⁴ Стокгольмский Архив. Депеша Стединга от 25 января (6 февраля) 1801 г. Может быть Стединг писал так потому, что его депеши из России прочитывались на русской почте.

¹⁵ Исторический вестник. №III. С. 349, 350.

¹⁶ Крузенштольпе. Русский двор, III. С. 349, 350.

¹⁷ См. русское издание книги Коцебу «Замечательный год моей жизни». С.-Петербург, 1879, №II. С. 137, 138.

¹⁸ Revue Britannique. С. 77, 78.

¹⁹ Fraser's Magazine. С. 312, 313. Муханов рассказал этот эпизод в тот же день, когда он произошёл.

²⁰ «Like a lamplighter», т.е. так быстро, как будто он спешил зажигать фонари.

²¹ Здесь Саблуков узнал, что оба великих князя были под арестом и в тот же день должны были вторично принести присягу.

²² Саблуков не говорит, что это выражение изобличает осведомленность Рудковского о заговоре.

(Продолжение следует)

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Публикация: ОСИПОВА Галина Афанасьевна —
пенсионер (г.Трубчевск Брянской обл.)

Н.В. Кузнецова

МЫ БЫЛИ ДЕТЬМИ ВОЙНЫ

В редакцию «Военно-исторического журнала» поступило письмо Галины Афанасьевны Осиповой с просьбой опубликовать часть воспоминаний её матери — Нины Васильевны Кузнецовой, которая во время Великой Отечественной войны оказалась на оккупированной немецкими войсками советской территории.

Мы предлагаем нашим читателям краткий рассказ Н.Г.Кузнецовой о том, что она видела, слышала и пережила в те далёкие годы.

Жили мы тогда в посёлке станции «Снежетьская», что на Брянщине, в небольшой квартире, расположенной на втором этаже многоквартирного двухэтажного деревянного дома, стоявшего у самого леса, в сторону речки Снежка.

В посёлке была только начальная школа, поэтому весь год мы вместе с братом Мишей ездили в школу Брянска-I, где в 1941году и окончили пятый класс. Как мы радовались вместе с другими детьми предстоящим каникулам! Брат, несмотря на свой маленький рост, считался авторитетом среди пацанов. Любимой игрой ребят был футбол, а девчонок — лапта и классики. Бегали без усталости, а ещё всей оравой ходили купаться на речку: с одного берега — снежетьские дети, с

другого — полпинские. Наряду со своими увлечениями не забывали и о посильных домашних обязанностях, которые выполняли охотно. И вдруг всё это, составлявшее понятие «детство», отняла война, принёсшая всем тяжкие страдания.

После известия о начале войны люди находились в растерянности, панике. Мужчины срочно отправлялись на фронт. Через нашу станцию проходили товарные поезда с военными, военной техникой и с лозунгами: «За Родину! За Сталина!». Некоторые солдаты на проезжавших платформах плясали под гармонь, кричали нам: «Не горюйте, мы победим!» и разные другие утешительные слова, которые поднимали настроение и пробуждали чувства патриотизма и гордости за нашу страну.

От отца с фронта мы получили лишь одно письмо-треугольник, написанное карандашом, в котором он обещал, что с победой вернётся домой. Он просил маму беречь детей, а нас, старших, — помогать её во всём.

В результате паники из магазина на Снежке исчезли все продукты. Ограничена была и продажа хлеба, причём занимать за ним очередь приходилось с вечера и даже ночевать на улице, укладываясь на деревянной лежневке (дорожке) вдоль забора лесозавода. Но даже и тогда детям невозможно было достать хлеба, поэтому мы вынуждены были добираться до Брянска, где благодаря милиции всё ещё соблюдались очереди.

Наша мама — Левина Прасковья Фёдоровна работала тогда на заводе, готовившемся к эвакуации на Урал. Ей пришлось остаться из-за детей, которых у неё было четверо, от 3,5 до 14 лет.

До нас доходили тревожные сообщения о поражениях на фронтах. Вскоре на нашу станцию стали прибывать поезда с ранеными солдатами. Мы переживали за отца, поэтому всё время бегали на станцию. Без боли и сострадания нельзя было наблюдать, как выгружали из вагонов окровавленных, обессиленных людей. Их переправляли в военно-полевой госпиталь, располагавшийся недалеко от нашего дома.

Маму, прошедшую ускоренную подготовку (мы видели её у завода, когда были в Брянске, в отряде женщин в противогазах и с сумками с красным крестом), приняли в госпиталь санитаркой, стирать бельё. Чтобы выполнять эту работу, в госпитале не было условий, поэтому она согласилась трудиться на дому. Солдаты привезли нам большую деревянную бочку для замачивания и железный бак для кипячения белья, который установили на плиту.

Мы, полуголодные дети, помня просьбу отца, подключились к той мучительной маминой стирке: издали таскали по ступенькам на второй этаж дрова-смолянки, воду из колодца, выносили грязную окровавленную после замачивания воду, до тошноты дурно пахнущую после кипячения и стирки жижу, носили тяжёлое стиранное бельё к колодцу полоскать, потом сушили его в лесу (маму предупредили о маскировке) и караулили там, высохшее — приносили домой. Квартира была постоянно сырой от кипячения, в ней стоял неприятный запах, что сказывалось на здоровье. Сухое бельё складывали, сортируя, неглаженным. Но попадавшиеся бинты я обязательно тщательно выглаживала тяжёлым угольным утюгом, думая о помощи раненым. К этой работе подключались мои сёстры — Тоня и Валя, аккуратно скатывавшие бинты.

Готовое бельё мы с мамой носили сдавать, тогда я и увидела большие землянки, в которых находились раненые солдаты. Однажды мама дала мне свой пропуск и послала отнести бельё. На подходе к госпиталю меня остановил патруль. Один из бойцов, видимо старший, спросил:

«Откуда и куда, казачка, путь держишь?». Я объяснила и показала пропуск. Разобрались. Бельё я сдала, но меня предупредили, чтобы без мамы больше никаких хождений не было.

Немцы всё чаще бомбили Брянск. Мы видели и тучи дыма, и зарево пожарищ, и воздушные бои, испытывая страх и переживания за гибель наших лётчиков. Вечная слава им — героям!

У нас в семье не было никаких запасов, и голод периодически гнал добывать еду в лес, который мы знали хорошо. Однажды рано утром я и Миша пошли за ягодами. После долгих поисков набрали более половины ведра черники. Возвращались довольные. Дошли до дороги Брянск — Карачев. На повороте к посёлку уселись отдохнуть. Ягоды не ели, чтобы обрадовать удачным «урожаем» заболевшую маму. Собрались идти дальше, но тут увидели со стороны Брянска большую толпу. Люди, увидев ведро с ягодами, окружили нас, стали уговаривать продать хоть немного, предлагая большие деньги. Мы, словно замороженные, наивные, сострадая им и их детям, не смогли вырваться из окружившей толпы и продали все ягоды.

Своими заработком мы очень огорчили маму. Она назвала нас бестолочами, сказала: «Все знают, что деньги никому не нужны, за деньги ничего нельзя купить, а ягоды я посушила бы». Чтобы искупить свою вину, на следующий день мы снова пошли в лес, но с большим трудом собрали лишь малую часть вчерашнего. Родовались и этому, но по пути домой попали под бомбёжку, взрывной волной нас отбросило в сторону. Я плакала от страха и боли, а Миша пытался собрать рассеянные в траве ягоды, но куда там! Под грохот разрывов, с пустым ведром мы побежали домой, но неожиданно обнаружили всех наших в лесу, в окопе, служившим убежищем. Чувствуя свою вину, мы с братом ждали упреков, но мама была рада нашему возвращению.

Однажды, незадолго до немецкой оккупации, мы ходили на разрушенный мясокомбинат в надежде отыскать что-нибудь съестное. Среди развалин брат нашёл бочку с остатками хвостов, а два наших друга, одного из них звали Севка — бруски для заточки инструмента. Возвращались по шпалам. Вдруг из леса вышел человек в тёмном плаще. Мы испугались, пустились бежать, но навстречу вышел второй, распахнул плащ и крикнул: «Стойте, не бойтесь, мы свои!». Увидев под плащом форму солдата Красной армии, мы поверили. Они расспрашивали об обстановке в Брянске и главное: есть ли там фашисты. Мы отвечали, что не видели никаких подозрительных людей, ведь ещё не представляли немцев. Солдаты сказали: «Спасибо! Вы — молодцы!». Пожали нам руки и спешно скрылись в лесу.

Мы, гордые за похвалу, за помощь нашим разведчикам, с добычей пришли домой, но снова огорчились. Оказалось, что добытые нами хвосты — это отходы для варки мыла, которые не были пригодны в пищу.

Основным нашим питанием тогда оставалась мелкая картошка, сваренная для экономии в «мундире», или суп со стеблями щавеля и крапивы. Сухой паёк, выдававшийся маме за стирку, она приберегала для младших. Но вскоре связь наша с госпиталем прекратилась. Как и куда его переместили, мы не знали.

Тревожные слухи о потерях нашей армии под Ресетой подтверждались звуками наземных боев. Уже с низко пролетавших самолётов сбрасывали листовки: «Москва капут!». Ещё — античеловеческие призывы убивать людей еврейской национальности, спасти Россию. Беспоконная обстановка в посёлке сменилась страхом перед оккупацией.

Вскоре в посёлок ворвались немцы, заняли здания лесозавода, школы, детского сада и другие помещения. Появились и в нашем доме. «Матка, шайзе», — указали автоматом на лежавшую

больную маму. «Найн гут!» — покачали головой, видя закопчённую плиту — грубку. Я думала, что сейчас застрелят, но это был осмотр перед выселением. Все жильцы уходили кто куда, а мы переселились на чердак в доме своих знакомых. Единственным благом оставалась пристроенная к трубе маленькая плитка.

Мама из-за болезни отказалась выйти на уборку, и староста с угрозами выгнал на работу меня. Мне со взрослыми пришлось очищать, мыть квартиры, длинные коридоры. Руки от холодной воды замерзали, но уходить было нельзя — за нами надзирали вооружённые немцы. Потом нас заставляли чистить туалеты, а зимой очищать дороги от снега. Брата, кроме того, увозили на уборку трупов.

В посёлок фашисты пригнали много наших пленных солдат, некоторые были в одном нижнем белье, с перевязанными руками, головами. Говорили, что им дают норму какой-то муки или крупы. Местные жители иногда передавали им кое-что из еды. Мы, например, — мелкую картошку в старой отцовской будёновке. Сами же были рады даже очисткам и другим имевшимся у нас пищевым отходам.

Оккупанты ввели в посёлке свой порядок. Для устрашения расстреляли отца нашего друга Володи Смолянинова и семью какого-то партработника. Однажды согнали в плотные ряды всех жителей посёлка и, окружив, держали до приезда машин. Перед людьми выстроились автоматчики. Взрослые в страхе, плача, прижимали к себе детей. Мы с братом стали перед мамой, заслоняя её и сестёр. Немецкий офицер, забравшись на кузов машины, на ломаном русском языке объявил о расстреле деревни Хацунь. Мы с Мишей были там, слышали стрельбу карателей и крики людей, но о произошедшем не знали, подумав, что идёт бой. Нам повезло: закончив свои угрожающие речи, жителей Снежки, перенесших ужас, немцы отпустили.

Миша не раз был с мамой у наших родственников, скрывавшихся в лесу, а когда она болела, уже во время оккупации, к ним ходила и я. Однажды ночью тётя разбудила нас. Я спросонья, увидев сидевших в тулупах, с оружием в руках каких-то людей при тусклом свете лампадки, под иконой, насторожилась, но, услышав голос дяди Шуры, успокоилась. Он расспросил нас о маме и сестрёнках, но больше всего — о расположении немцев на Снежке: какая у них техника, о постах и многое другое. Спрашивали также о том, встречались ли нам немцы по пути. Мы с радостью говорили обо всём, что знали. Дядя сказал, что мы — их храбрые помощники, приглашал приходить ещё, а о встрече с ними, кроме мамы, просил никому не рассказывать. Потом нас отправили спать. Когда они ушли, я не слышала.

Домой мы вернулись с картошкой и даже солёными грибами, чего надолго не хватило. Но тётя приглашала нас к себе. Хоть и было стыдно — ходили снова. Отправлялись мы и на поля. Однажды на перекрёстке у Снежки немцы задержали всех. Попались и мы, но из толпы нам удалось сбежать.

Далее ужасы продолжались. В нашей чердачной «обители» провели обыск и перевернули всё. Искали оружие. Им в то время мог завестись любой. Мы с братом часто находили патроны и какие-то капсулы. От трения по забору они оставляли вспышки сине-зелёного цвета. Мы их закапывали. Немцы, ничего не найдя, ушли. А потом маму и Мишу вызвали в комендатуру. Их не было до вечера. Вернувшись, брат упал на пол и рыдал, как маленький ребёнок, затем произнёс: «Может, признаемся?». Мама словно застыла, как безумная, долго молча сидела, прижимая к себе детей. Мы, три девочки, расплакались, глядя на брата. Опомнившись, мама успокоила всех и уложила спать, а чуть свет разбудила и сказала: «Дети, мы уходим!». Просила не шуметь. Надев на

нас все имевшиеся одежды, осторожно, лесом в обход постов вывела за территорию Снежки. Тогда непонятно было её решение, но позже я узнала, что мы подозревались в связи с партизанами. Оказывается, в ходе допроса фашисты, применив устрашающую тактику, водили маму и Мишу на кладбище якобы на расстрел, а потом дали сутки на раздумье. Если бы они вновь ничего не рассказали, могли расстрелять всю семью.

Боясь преследования, мы шли долго, с остановками в деревнях. С помощью добрых людей добрались до орловской деревни Муравельник, где немцы постоянно не находились. Люди приютили нас в заброшенной хатке. Вскоре умерла мама, всего в 39 лет! Для нас это стало невосполнимой утратой.

Оккупационный режим ввели и в той деревне, где мы остановились. Застав врасплох людей, вместе с другими немцы погнали по дороге в сторону Орла и нашего брата. Один старик, которому брат раньше помогал, принёс свои сапоги и краюху хлеба. Мы с сестрой Тоне задыхаясь бежали по пыльной дороге, чтобы передать всё это брату. Догнали колонну, но сумку забрал немец, а Миша, увидев нас, лишь помахал рукой.

Переживая своё горе, люди сострадали и нам — сиротам, помогая выживать. Низкий им поклон. К радости, через несколько дней к нам вернулся Миша, сбежавший от немцев, но ему пришлось ещё долго скрываться.

Когда немцы со всей своей военной мощью уходили в сторону Орла, как и многие, мы с сёстрами прятались на болоте. Оттуда Миша и другие ребята ходили в разведку.

Наша деревня оказалась на линии фронта, и вскоре мы стали свидетелями бегства немцев. Отступая, фашисты сожгли деревню. Из охваченной пламенем нашей хатки один из них выбросил нашу сестру. Спасибо ему хоть за это! Но сколько же гитлеровцы принесли горя нам и людям моей страны! Наступавшая Красная армия гнала их, фашистов, пришедших на нашу родную землю, а мы, голодные дети, сидевшие в ямах, канавах, в холодных погребах, видя поток огненных стрел над головами, кричали: «Ура!».

Шёл 1943 год, до Победы было ещё далеко. Брат просился на фронт, мстить оккупантам, но его не взяли из-за возраста. Наш удел был — восстанавливать разрушенное, помогать в тылу...

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

Институтом военной истории Министерства обороны Российской Федерации и Центральным архивом Министерства обороны подготовлены и выпущены в свет первые два тома многотомного издания ежедневных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии в период Великой Отечественной войны. Подлинники этих материалов сравнительно недавно были рассекречены, и их углубленное изучение позволит гораздо лучше понять развитие военных действий в ходе Великой Отечественной войны.

Том 1 — «Вторжение» включает оперативные сводки с 22 июня по 30 сентября 1941 года. Они отражают один из самых напряжённых и драматических периодов в ходе всей войны. В результате внезапного удара заранее подготовленных германских сил приграничные войска Красной армии потерпели поражение и вынуждены были отступать, неся значительные потери в людях и военной технике. Многие соединения и объединения оказались в окружении, часть их была пленена или разгромлена. Вражеские ударные группировки устремились в глубину нашей территории, и задержать их безостановочное продвижение удалось в районах Луги, Смоленска и Киева вводом в сражение сил второго стратегического эшелона.

Знакомясь с оперативными сводками, следует иметь в виду, что из-за значительных потерь в руководящем составе своевременно собрать объективную информацию о высокодинамичной обстановке на обширном фронте было весьма сложно. Поэтому такие сводки в первые дни войны не всегда могли в полной мере отразить истинной ситуации и реального хода военных действий. Вместе с тем содержащаяся в них информация зачастую была полнее и точнее, чем в различных публикациях прошлых лет. Более того, в сводках наглядно просматривается упорство советских войск в обороне, активность в нанесении контратак и контрударов, героизм и мужество личного состава Красной армии, её растущее боевое мастерство.

В том 2 — «Срыв плана «молниеносной войны» включены оперативные сводки Генерального штаба Красной армии с 1 октября по 31 декабря 1941 года. В этот период на советско-германском фронте произошли военные события, имевшие переломное значение для хода Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. Основным из них явилась Московская битва. В ходе оборонительных сражений на подступах к советской столице и последующего за этим решительного контрнаступления советских войск немецкая армия потерпела первое поражение с начала Второй мировой войны. Чувствительные удары также были нанесены врагу под Тихвином и Ростовом-на-Дону. Рухнули не только планы гитлеровского командования по овладению Москвой, но и надежды сокрушить Советский Союз в 1941 году в ходе «молниеносной войны».

Авторский коллектив выражает уверенность, что представленные в первых двух книгах многотомника документы вызовут немалый интерес читателей, позволят более полно, глубоко и подробно разобраться в событиях на фронтах Великой Отечественной войны в октябре—декабре 1941 года, а также объективно оценить всё ранее написанное об этом периоде.

Издание предназначено не только для специалистов-историков, но и для всех, кого волнует историческая правда о минувшей войне.

*Великая Отечественная война — день за днём: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. М.: Воениздат, 2008. Т. 1,2.

ВТОРАЯ КНИГА ИСТОРИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Военно-историческая литература пополнилась новым трудом: вышла в свет вторая книга об истории продовольственной (провиантской) службы вооружённых сил России* под редакцией начальника Центрального продовольственного управления МО РФ генерал-майора Ю.В.Бурдюг.

Автор работы — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, доктор исторических наук, профессор военной истории полковник в отставке П.И.Вещиков.

Всего на счету Петра Ивановича более 300 опубликованных работ (монографий, военно-исторических трудов, брошюр, статей в различных сборниках, журналах и газетах) по истории военного хозяйства вооружённых сил России, военно-экономическому обеспечению войск как в мирное время, так и в ходе боевых действий. Вторая книга посвящена комплексному исследованию вопросов, связанных с развитием одной из главных служб снабжения армии и флота государства Российского в XIX столетии. В ней показана сложная и многогранная деятельность органов управления воинских частей и учреждений по обеспечению войск продовольствием и фуражом.

Используя подлинные архивные документы и публикации, автор весьма достоверно воспроизвёл обстановку, в которой функционировали все звенья снабжения войск и в мирных условиях, и в многочисленных походах и войнах, которые вела Россия в XIX веке.

В монографии глубоко и всесторонне исследованы вопросы организации поставок продовольствия и фуража не только в России, но и в ряде зарубежных государств того времени. Материалы об этом могут стать ценным подспорьем для специалистов и тех, кто интересуется военной историей своего Отечества.

Хочется подчеркнуть, что цели и задачи данного исследования П.И.Вещикова вполне соотносятся с полученными им научными результатами. Следовательно, его попытку дать правдивую и объективную историю развития деятельности продовольственной (провиантской) службы в XIX веке можно считать удачной.

Пожелаем автору творческих успехов над созданием такой же правдивой третьей книги (XX в.) по истории службы.

* *Вещиков П.И.* История продовольственной (провиантской) службы вооружённых сил России XVIII—XX вв.: В 3 кн. Кн. 2: XIX в. М.: Воениздат, 2008. 423 с., ил. Первая книга, посвящённая деятельности службы Русской армии в XVIII в., издана в 2005 г.

Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
ГОМЕЛЬЩИНЫ»**

26 ноября 2008 года в г. Гомеле (Республика Беларусь) в рамках выполнения Государственной программы научных исследований на 2006—2010гг. «История белорусской нации, государственности и культуры» состоялась научно-практическая конференция «Страницы военной истории Гомельщины», посвященная 65-летию освобождения Гомельщины от немецко-фашистских захватчиков.

Пленарное заседание конференции открыли председатель Гомельского областного Совета депутатов, кандидат экономических наук В.С.Селецкий и мэр города-побратима Гомеля — шотландского Абердина П.Стивен. С приветственным словом к участникам конференции обратились руководитель Центра историко-патриотического воспитания г.Гомеля В.В.Кривич и главный специалист военно-научного комитета Вооружённых сил Республики Беларусь В.Е.Колотов.

На пленарном заседании с докладами выступили заведующий отделом военной истории и межгосударственных связей ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси» профессор, доктор исторических наук А.М.Литвин (Организация боевого взаимодействия партизан с частями Красной армии в период освобождения Беларуси (осень 1943 — лето 1944г.)); ведущий научный сотрудник «Института российской истории Российской академии наук», профессор, кандидат исторических наук В.А. Невежин (Гомельско-Речицкая операция 1943г. в освещении российской историографии); старший научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных связей ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», доцент, кандидат исторических наук В.И. Кузьменко (Жизнь населения освобождённых от фашистской оккупации регионов Беларуси); заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», кандидат исторических наук С.В.Аверченко (Руководители эксплуатационно-технической службы ВВС РККА в довоенный период — уроженцы Гомельщины).

В ходе работы двух секций конференции, посвящённых военной истории Гомельщины в XI—XIXвв. и годам Великой Отечественной войны 1941—1945гг. перед участниками конференции с докладами выступили историки А.В. Виноградов, С.Б. Жихарев, Н.Н. Мезга, С.А. Черепко, А.Н. Дмитренко, А.И. Зеленкова и многие другие.

Результаты конференции свидетельствуют, что военная история Гомельщины не остаётся без внимания международной научной общественности. Как в Беларуси, так и в России велик интерес

к изучению проблем славных военных страниц истории Гомельщины, земля которой обильно пропитана кровью двух братских народов — русского и белорусского.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

*Публикация: Смирнов Даниил Сергеевич —
редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)*

МАРТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 марта 1954 года США провели на атолле Бикини испытание водородной бомбы мощностью 15 мегатонн. Жертвами выпавших радиоактивных осадков стали японские рыбаки. В Японии День Бикини отмечается как национальный день борьбы за мир.

2 марта 1969 года начался вооружённый конфликт на советско-китайской границе в Забайкалье. Пограничными подразделениями Иманского (ныне Дальнереченского) пограничного отряда отражена вооружённая провокация китайцев на р. Уссури в районе острова Даманский. 14—15 марта отбито повторное нападение китайцев. Дело дошло до применения РСЗО «Град» и привлечения к пограничному конфликту регулярных войск. Потери сторон — около 100 человек убитыми. 21 марта Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза присвоено старшему лейтенанту И.И. Стрельникову (посмертно), полковнику Д.В. Леонову (посмертно), старшему лейтенанту В.Д. Бубенину и младшему сержанту Ю.В. Бабанскому. Ныне в соответствии с договором об урегулировании территориальных споров остров отошёл к КНР.

2 марта 1994 года Указом Президента Российской Федерации № 442 «О государственных наградах РФ» учреждены ордена: «За заслуги перед Отечеством» (1, 2, 3, 4-й степеней), Мужества, «За военные заслуги», Почёта, Дружбы. Этим же указом учреждены медали: «За заслуги перед Отечеством», «За отвагу», «За спасение погибавших», Суворова, Ушакова, Нестерова, «За отличие в охране государственной границы», «За отличие в охране общественного порядка», «За безупречную службу».

4 марта 1349 года новгородское ополчение штурмом взяло крепость Орехов (Орешек), разгромив шведский гарнизон из 800 человек (крепость была заложена русскими в 1323 г.). Пленные шведы были отправлены в Москву, а захваченным у них серебром новгородцы украсили церковь Бориса и Глеба.

4 марта 1944 года войсками 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова проведена Проскуровско-Черновицкая наступательная операция, целью которой являлся разгром основных сил гитлеровских войск группы армий «Юг». Завершилась

операция 17 апреля 1944 года. В её результате войска 1-го Украинского фронта продвинулись на 80—350 км и вышли к предгорьям Карпат.

9 марта 1934 года, 75 лет назад, родился Ю.А. Гагарин, первый в мире лётчик-космонавт. Полковник, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда ЧССР (Чехословакии), Герой Социалистического Труда НРБ (Болгарии), Герой Труда СРВ (Вьетнама), кавалер высших орденов многих других стран и великих держав мира. Погиб в авиакатастрофе 27 марта 1968 года при выполнении тренировочного полёта на реактивном самолёте МиГ-15 УТИ. Похоронен в Москве у Кремлёвской стены.

10 марта 1809 года началась Аландская экспедиция, поход русских войск под командованием генерала от инфантерии П.И. Багратиона к островам Аландского архипелага и берегам Швеции во время Русско-шведской войны 1808—1809 гг.

11 марта 1919 года началось Вешенское (Верхне-Донское) восстание казаков против «красного террора». В немалой степени оно было спровоцировано антиказачьей политикой властей, проводимой на местах по указанию Троцкого. Эти события описаны в романе Шолохова «Тихий Дон».

16 марта 1859 года, 150 лет назад, родился А.С. Попов, русский учёный-физик и электротехник, изобретатель радио и радиосвязи. В 1883—1901 гг. преподавал физику и электротехнику в Минном офицерском классе и в Техническом училище Морского ведомства в Кронштадте. С 1903 года — директор Петербургского электротехнического института. В 1895 году изобрёл прибор для обнаружения и регистрации электрических колебаний — радиоприёмник. В 1901 году в реальных корабельных условиях получил дальность связи 148—150 км. Умер в 1906 году.

17 марта 1909 года, 100 лет назад, родился В.П. Бармин, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, генеральный конструктор КБ общего машиностроения, занимавшегося проектированием пусковых установок и стартовых ракетных комплексов. Под его руководством созданы серийные образцы пусковых установок БМ-13 («катюши»). Умер 17 июля 1993 года.

17 марта 1969 года Политический Консультативный Комитет государств-участников Варшавского договора учредил Комитет министров обороны, Объединённые вооружённые силы и Объединённое командование Варшавского договора.

19 марта — День подводника ВМФ России

25 марта 1944 года началась Одесская наступательная операция советских войск. Войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского при содействии сил Черноморского флота и во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта разгромили группировку противника. Продвинулись на 180 км, освободив Николаевскую и Одесскую области, а также часть Молдавии. Операция завершилась 14 апреля 1944 года.

28 марта 1939 года с падением Мадрида завершилась Гражданская война в Испании республиканцами и мятежными войсками генерала Франко, которого поддерживали воинские контингенты из Германии и Италии. В составе интернациональных бригад на стороне республиканцев сражались добровольцы из Советского Союза, США, Англии и других государств.